

THE HORUS HERESY

SHADOWS OF TREACHERY

*Edited by Christian Dunn
and Nick Kyme*

The *New York Times* bestselling series

Featuring stories from Dan Abnett,
Aaron Dembski-Bowden and Graham McNeill

ПРИНЦ ВОРОНЬЯ

Аарон Дембски-Боуген

- ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА -

VIII Легион «Новелители Ночи»

Яго Севатарюн, «Севатар», Первый капитан, командир Амраментаров

Тал Ванек, боевой брат, Первая рота

Оррин Валзен, Примус Медикэ

Малитос Кулн, Девятый капитан

Нарака, «Бескровный», Тринадцатый капитан

Вар Джахан Тридцать девятый капитан

Кел Херек, Сорок третий Сто третий капитан

Товак Тор, «Однорукий», Сто четырнадцатый капитан

...

XIX Легион «Гвардия Ворона»

Аластор Рушаль, Восемьдесят девятый капитан

...

Служащие VJJJ Легиона

Экра Трез, Пожиратель Грехов

Тайе Каренна, командир крыла,

эскадрилья «Скрытые»

Күл Кивен, наблюдатель, эскадрилья

«Скрытые»

Венсент Аурлин, стрелок, эскадрилья

«Скрытые»

...

ПРОЛОГ

...

- Пагай.

Лорд-рыцарь Калибана стоял посреди бури.

Его лоб венчала серебряная диадема,

пепельные волосы из-за дождя казались

нарисованными на бледном лице. Рыцарь

был закован в черный керамитовый доспех

с резными фигурами львов из марсианского

красного золота. Но течу в его руках

струилась кровь, которая стешивалась с

лифнем и стекала со стали.

Вторая фигура как будто была его

отражением в треснувшем зеркале. Лорд-

рыцарь был бледен, а второй воин отличался

чахоточной белизной. Полночный дождь, крест-накрест перечеркнутый зубчатыми молниями, повторял бьющийся над головой шторм.

Вокруг них свирепствовала битва. Она шла даже внизу, поскольку они бились на вершине горы из тел своих раненых и мертвых

сыновей. Лорд-рыцарь Калибана месяцами ждал этого момента. И вот он настал — этот визг ветра и завывание дождя, которые подчеркивал отрывистый треск многих тысяч болтеров.

Исполнив свой долг, рыцарь отступил назад, и ливень смыл с меча последние пятна крови. Его брат шатался, обхватив собственную шею когтистыми руками. Между судорожно сжимающихся пальцев хлестал темный текучий поток. Воин пытался

зажать горло, и ему это не удавалось.

- Пагай, - сказал Лорд-рыцарь своему брату. Его голос был наглопленным и неровным, он задыхался. -- Пагай.

Черные глаза второго воина были широко открыты и подрагивали, пока жизненная сила утекала сквозь пальцы. Он беззвучно заговорил, безрезультатно шевеля губами, и, наконец, рухнул на одно колено. Раны на животе и груди кровоточили так же сильно, как и рассеченное горло. Казалось, что методично изрубленное и изорванное королевским клинком тело держится вместе лишь за счет отчаянной ненависти.

Лорд-рыцарь не отличался улыбчивостью и не был настолько мелочен, чтобы настехаться над павшим соперником. Он отсалютовал поднятым клинком, приложив эфес к коронованному челу и воздав почести убитому врагу.

- Я же говорил, - обратился Лев к утирающему брату, - что прикончу тебя, Керз.

ЧАСТЬ J

РУКОКРЫЛЫЕ

...

ГЛАВА I

Братство в тени

...

Братья всегда встречались в темноте. В их склонности собираться в лишенном света помещении не было ничего театрального и

символического, или какой-либо необходимости в секретности. Некоторые традиции просто не менялись с момента возникновения, будучи скорее привычкой, чем выдумкой. Когда-то темнота была важна. Теперь она просто была.

Красные глазные линзы пронзали трак. Умножило скрежещущее урчание сервоприводов сочленений и работающих силовых

кабелей. Доспех Mk-IV никак нельзя было назвать бесшумным изобретением. Будучи поврежденным, он издавал еще больше шума.

Трое братьев стояли молча. Их окутывало поражение, которое липло к ним теснее, чем окружавшие тучи. Позор был столь свежим, что никто даже не успел починить броню. Комнату озаряли вспышки искр, проскакивавших в разорванных суставах, а воздух

медленно пропитывался запахом битвы, исходившим от разбитых керамических доспехов. Хитическая вонь фицелина, смешанная

с грубым и резким страгом прометия. На фоне этого висел слабый запах оружейного дыма, почти такой же безжизненный, как угольный.

- Трое, - произнес один из братьев. - Нас осталось трое.

- Могут быть и другие, - сказал другой.

Первый презрительно устехнулся.

- Больше никого не будет. Ты что, был слеп последние девять часов? Не видел, что произошло? Сколько кораблей мы потеряли?

Третий брат облокотился о край

центрального стола. Увенчанный гребнем
шлем покачивался, поочередно оглядывая
сородичей.

- Мы не знаем. И не узнаем, пока флот
снова не соберется. Я видел, как «Праксис
Мунди» развалился на части, уничтожив
семь

кораблей сопровождения. Перед ним
погибла «Леги Сапиента». «Ужас
Этернума». «Король без трона». «Затмение». И это только

крейсера, гибель которых я видел. Не могу
назвать точное число фрегатов и
эстинцев. Слишком много.

- А что с «Наступлением ночи»?

Третий брат покачал головой.

- Пробито снаружи и охвачено огнем
изнутри. Флагман не мог спастись.
Темные Ангелы вцепились ему в горло так
же жестоко, как

Лев -- лорду Керзу, -- воин на мгновение
прервался, медленно вздохнув. -- «Сутрак»
должен был бежать первым. Не могу
понять, почему он остался. Какой прок

перестреливаться с флотом Темных Ангелов?

- Я слышал сообщения по воксу, - отозвался первый из братьев. - Севатар приказал флагману оставаться в системе, пока он забирает с поверхности те роты, корабли которых уже бежали.

Третий фыркнул.

- Как благородно. И так, он погубил себя и потерял флагман. Помните мои слова - в наших рядах больше не будут чувствовать себя в безопасности.

Севатара. Как Ангелы это устроили? Засада... я никогда не видел подобной скоординированности.

- А это имеет значение? - поинтересовался первый. - Мы только что проиграли Тратасский крестовый поход, если только не

ответим подавляющим ударом.

- Легион должен перегруппироваться на запасных позициях, - согласился второй. - Мы сможем возобновить военные действия, когда определим свои координаты и

закодирует данные о перемещениях.

- Мудрые слова, - сказал первый. - На это могут уйти недели, а то и месяцы, но с нами еще далеко не покончено.

Третий брат вызвал тактический дисплей, но мерцающее гололитическое изображение гало сбой и отключилось, не успев показать

ничего стоящего. В ходе перелета корабль получил серьезные повреждения, и многие системы все еще пытались провести

корректировку.

- У нас две проблемы, и обе они острые и неприятные. Во-первых, мы должны при помощи астронавтических хоров сообщить о

поражении всех силам Легиона в остальной части сектора, чтобы наши братья, очертя голову, не бросились прямиком в засаду, из

которой мы только что выбрались. Для этого потребуются немалое везение.

- А вторая проблема?

Перед тем как ответить, третий брат замешкался.

- Мы должны сделать то, что до нас приходилось делать лишь одному Легиону. Выбрать, кто будет командовать оставшимися

силами, раз припарх пал.

- «Пал» не значит «мертв», брат. Ты получал известия из апотекариона?

- Получал, и они не сулят ничего хорошего. Кому в Легионе доводилось ухаживать за раненым припархом? Мы работаем вслепую.

Раны затянулись, хоть и неровно. Огромная потеря крови. Повреждения черепа и недостаток кислорода все еще потенциально

смертельны или критичны. Обширные кровоизлияния. Органы, которые я даже не могу назвать, разорваны и отрезаны от ранее не

виденной нами системы кровообращения. Будь он смертным -- да даже будь он одним из нас -- его бы убила одна-единственная из

этих ран, а он получил их одиннадцать.

Слова повисли в воздухе. Никому из братьев не хотелось ничего добавить.

- Я видел, как это произошло, - признался второй. - Мы потеряли слишком многих, только пытаюсь его вытащить. Чтобы вынудить

повелителя Первого Легиона отступить, я пожертвовал большей частью роты. Уверяю вас, я жалею, что отдал этот приказ.

Остальные кивнули.

- Правда жестока, однако мы должны принять ее. Теперь мы трое во главе Легиона.

Какое-то мгновение они осознавали эту истину в тишине, которую нарушила трескучая буря вызова с командной палубы.

- Мои повелители, - произнес смертный капитан. - К границам системы приблизились еще четыре корабля.

- Назови их, - сказал первый брат.

- Когда аусника соответствуют «Квинтусу», «Дочери заката», «Завету

крови» и... и «Сутраку».

...

Дверь зала совещаний, заскрежетав по направляющим, открылась, впустив снаружи красный свет аварийного освещения. На том, кто стоял в проеме, был такой же шлем, как на трех его сородичах -- с гребнем в виде распростертых крыльев горгульи и черепом, нарисованным на лицевом щитке. Турмалиновые глазные линзы установились на трех военачальников, собравшихся во тьме.

Он пришел один, но с оружием. Поверх наплечника лежало древко, которое было увенчано отключенным цепным клинком с несколькими рядами неровных и шероховатых зубьев.

- Надеюсь, вы меня извините за опоздание. Там была засада. Наверное, вы ее заметили. Не все смогли просто включить двигатели

и сбежать поглубже в темноту.

Он вошел в комнату и занял место у

центрального стола.

- Рады тебя видеть, Севатар.

- Не сомневаюсь, - Севатар бросил взгляд на тактический гололит, который парил в воздухе над столом, демонстрируя несколько

кораблей VJJJ Легиона, расстрелянных в глубокой пустоте. --

Стало быть, поражение. Теперь мы знаем, как себя чувствовали

Саламандры и Гвардия Ворона.

- Мы собрали здесь около двадцатой части флота. В ближайшие недели нам необходимо как можно лучше восстановиться и

посмотреть в лицо фактам. Мы ранены, но еще не мертвы. Тратасский крестовый поход не может закончиться здесь.

Сначала Севатар не ответил. Через несколько секунд он понял, что это некая-то дурацкая шутка, и поочередно взглядел их.

- Вы трое успешно эвакуировали притарха. Была ли связь с остальными

Рукокрылыми?

- Есть только подтверждения гибели Цексага, Шомы и Утиллиона, - ответил второй из братьев. -- Мы -- это все, что осталось от

Рукокрылых.

- Стало быть, трое из семерых мертвы, - вслух задумался Севатар, - а примарх ранен.

- Примарх утирает, - поправил второй брат. -- Теперь мы возглавляем Легион.

- Посмотрим. Как бы то ни было, перспектива невеселая, - Севатар уронил алебарду на стол, не обращая внимания на звонкий лязг

металла о металл. -- Совершенно никому не годится. Из всех семерых вы трое нравитесь мне меньше всего.

- Брат, прошу тебя, будь серьезнее.

У Севатара была своеобразная манера улыбаться. Вначале веселье озаряло его черные глаза, а затем мягко подергивало уголки

губ. Это была улыбка трупа, щеки

которого растягивают крючьями, или же человека, обладающего не таким чувством юмора, как у

окружающих, но изо всех сил имитирующего его в меру своих ограниченных способностей.

Севатар улыбнулся.

- Я так понимаю, храбрецы, что вы разработали план?

- Так и есть, - откликнулся первый брат. -- Как только мы восстановим мощь флота, то нанесем ответный удар. Вопрос лишь в том, где.

Севатар склонил голову.

- У это ваш план?

- Да.

Первый капитан прокашлялся. Момент требовал определенной деликатности.

- Вы уже пытаетесь направить нас по пути, который не следует выбирать, - произнес он. -- Вы толкуете о возмездии и контракте

против врага, который продемонстрировал, что может нас

перехитрить.

Остальные заколебались.

- Разумеется. Что нам еще делать?

- Вместо этого мы можем вести войну, которую есть шанс выиграть, - ответил Севатар.

- Сбежать? -- спросил один. -- Наш долг удерживать Первый Легион здесь.

Севатар поднял бровь, хотя за лицевым щитком это и осталось незамеченным.

- Ценой Легиона? Вы хотите угробить нас всех, чтобы унять болезненную жажду крови после полученной трепки. В этом нет ничего

благородного, братья. Я не позволю вам похоронить Легион из-за того, что вы не в силах признать поражение.

- Притарх бы хотел, чтобы мы сражались до конца.

- Ну конечно, хотел бы. Но ты говорил, что притарх умирает. Если это так, его желания ничего не значат.

- Темные Ангелы -- ровня нам, они не сильнее нас, - нажал один из братьев. -- Мы

может выиграть крестовый поход
правильной
контратакой.

- Это ты так говоришь, Малитос, - все с
той же мягкой и неприятной улыбкой
ответил Севатар. - Сдается мне, что ты
навредишь

всем нам, пытаясь потешить помятое
самолюбие Легиона.

Малитос, капитан Девятой роты,
зарычал сквозь решетку увенчанного
гребнем шлема.

- Если лорд Керз умрет, твоя власть
драгоценного фаворита закончится в ту
же самую ночь.

Севатар продолжал улыбаться. Это было
слышно по голосу.

- Не угрожай мне, Девятый капитан. Для
тебя это добром не кончится.

- Братья, успокойтесь, - вмешался второй.

- Севатар, ты прав: мы должны
остерегаться совершать глупые поступки
из-за

уязвленной гордости. Малитос, ты тоже

прав: ты должны нанести ответный удар.
В равной мере ради исполнения долга и
удовольствия. Однако ты не должны
ссориться. Момент слишком серьезен.

- Я ценю твое миротворческое рвение,
Бар Джахан, - голос Севатара был спокоен,
в нем не было обычного поддразнивания.

Но
силы Льва только что одним ударом
переломили Легиону хребет. Весь флот
рассеян. Мы потеряли десятки кораблей,
как своих

собственных, так и следующих за нами
людей. Когда я последний раз видел
флагман Легио Ульрикон, его обломки
разлетались в

пустоту после поцелуя пухек Темных
Ангелов. Сколько титанов погибло только
в этом крушении? А сколько десятков
тысяч

обученных членов экипажа?

- Мы перегруппируемся, - сказал Малитос.
- Это наш долг. Война не закончится
только из-за того, что ты струсил.

- Струсил... - отозвался Севатар. --
Странноватое слово для описания того,
кто задержался, чтобы помочь спастись
менее быстрым
кораблям.

- Но долг требует сражаться, - произнес
Бар Джахан, капитан Двадцать седьмой. -
Смерть ничто в сравнении с отщепенцем.
- Какие милые слова, - ухмыльнулся в
ответ Севатар. -- Интересно, они
останутся в вечности как мудрость или
как глупость?

Впрочем, каким бы ни было решение
Судьбы, меня с вами не будет. Некоторые
из подчиненных мне капитанов уже ведут
разговоры о том, чтобы отправиться к
Терре или воссоединиться с флотом
Магистра Войны. Другие хотят
разделиться и
направиться куда-нибудь еще, грабить
имперские линии снабжения. Я скорее
склонен удовлетворить их просьбу, чем
отправить с
вами на смерть.

- Рүкокрылые решат вопрос голосованием,
- заявил Малитос.

Севатар презрительно фыркнул.

- Голосование. Как демократично. И с
каких это пор у нас появилась
необходимость ставить что-то на
голосование?

- С тех пор, как ты к нам вернулся,
произнес последний из братьев, Кел Херек,
капитан Сорок третьей, - и Рүкокрылые
перестали

говорить в один голос. Вместе мы
выстоим, Севатар. А порознь падем.

- Сегодня сказано столько замечательных
слов, и все они не учитывают главного.
Пока мы не готовы ударить в полную силу,
Легиону лучше находиться в тени. А уж
потом мы устроим бойню. Потом вкусим
их крови. Ангелы только что преподали
нам

суровый урок о том, как глупо собираться
в одном месте и пытаться участвовать в
честном бою.

Севатар оперся на колонну, скрестил руки

поверх нагрудника и продолжил.

- Раз уж вы так не хотите понимать намеков, буду говорить абсолютно прямо. Я не позволю вам снова втянуть Легион в эту войну

после сокрушительного поражения. Вот и все. Я заберу Амраментаров и остальные роты, которые решат остаться со мной, и снова

прилкну к флоту Магистра Войны. Нам здесь больше нечего делать, и я утверждаю, что сдерживать Темных Ангелов почти три года

- это более чем достаточно. Я бросаю Траласский крестовый поход иведу свои роты на Терру. Я рассчитываю увидеть настоящую

войну до того, как наступит рассвет последнего дня. Оставшаяся часть Легиона должна идти со мной. Если вы попытаетесь

продолжить эту бессмысленную войну, я могу выйти из себя.

Малитос какую-то секунду в совершенном

ошеломлении глядел на брата.

- Севатар, ты снятил?

- Не думаю. Я себя замечательно чувствую.

- И как же ты помещаешь нам остаться? -- спросил Вар Джахан.

- Разумеется, убив вас. Но давайте будем надеяться, что до этого не дойдет. Эмоции накаляются, а моя алебарга все это время

лежит вон там, - он указал на стол.

- Брат, если ты закончил валять дурака, может, сосредоточится на насущных делах?

- Сосредоточивайтесь сколько угодно. Я собираюсь взглянуть на примарха собственными глазами, не полагаясь на ваш лепет о его

смерти, - Севатар отошел от колонны и направился к закрытой переборке.

- Севатар, твоя алебарга.

- Я довольно скоро за ней вернусь. Спорьте на здоровье, братцы.

Он вышел из помещения. Силуэт на

мгновение заслонил вход, а затем скрылся за углом. Дверь с грохотом закрылась.

Малитос покачал головой.

- Он начинает меня утомлять, - обратился Девятый капитан к остальным.

- Многих начинает, - отозвался Кел Херек. - Когда мы воссоздадим

Рукокрылых, будет лучше, если окажется, что Севатару не

место среди них.

Малитос ответил своей неповторимой ухмылкой.

- Что за бесхребетная фраза? Просто скажи правду. Когда придет время, я лично его прикончу.

Бар Джахан почти не слушал их. Его внимание было приковано к алебарде Севатара, которая лежала на столе. Это была

чудовищная глефа с древком из черного железа и ребристого кератита. Сзади располагался устрашающий шип, а сверху -

кристаллический генератор энергии. Этот клинок был известен всем воинам

Восьмого Легиона. Гораздо меньше было тех, кто знал

о назначении запасного генератора в гревке. Бар Джахан много раз бился рядом с Севатаром и, безусловно, знал его очень хорошо.

В конечном итоге Бар Джахан не доверял никому из братьев, а особенно тем, кто входил в число Руккрытых. Когда у него начали

зудеть зубы от давления вытесняемого воздуха, он оказался единственным из трех капитанов, кто не удивился.

И единственным, кто уже бежал к двери.

...

Убийцы возникли в буре белого шума и эфирного тумана. Капитаны отшатнулись, тщетно закрываясь руками от слепящего света.

Все трое знали, о чем именно возвещал этот гром. Малитос и Кел Херек потянулись к оружию и потому погибли. Бар Джахан не остановился.

По всей комнате появились Атраментары, окутанные маслянистым остаточным дымом телепортационной вспышки. Болтеры были уже подняты.

- Мы пришли за вами, - прорычал один из терминаторов, и их оружие извергло единый каскад огня.

Бар Джахан слышал, как гибнут его братья. Слышал в воксе их крики и бульканье, заглушающее стук его сапог и сердце. Болты

попали ему в верхнюю часть спины и в ногу, он споткнулся и рухнул на пол, раздираемый взрывами снарядов. Бар

Джахан

перекатился и, не останавливаясь, метнулся за автоматизированную переборку.

Двадцать седьмой капитан Бар Джахан лежал в коридоре и задыхался. Он посмотрел на Севатара. Первый капитан стоял,

прислонившись к стене, скрестив руки на

зрүди и глядя вниз с праздным
любопытством.

- Привет, капитан, - сказал Севатар.

Бар Джахан поднимался на ноги, когда
двери снова открылись, и в коридор
потянулся оружейный дым. Отделение
закованных в

громоздную боевую броню терминаторов-
Атраментаров стояло, нацелив громадные
болтеры на ускользнувшую добычу.

- Отбой, - произнес Севатар и протянул
руку, помогая брату встать. -- Этому
хватило ума понять мое намерение. Он
останется в

живых.

- Как щедро с твоей стороны, - почти
выплюнул Бар Джахан.

Перед тем как ответить, Севатар
устехнулся.

- Мне тоже так показалось.

- Почему ты их убил? -- Бар Джахан не
поворачивался спиной к Атраментарам. --
Почему захотел нашей смерти?
Братоубийство...

Неужто и впрямь дошло до этого?

- Мы до него дошли в тот момент, когда вы, три идиота, решили, что самым лучшим вариантом будет прикончить Легион, чтобы

слыть воображаемое пятно с нашей воображаемой чести.

- Но приготовления...

- Я чувствовал, что Рүкокрылых понадобится реорганизовать. И оказался прав.

- Ты их убил только за то, что они были несогласны с тобой. Севатар, ты обезумел.

Первый капитан едва заметно пожал плечами.

- Мне часто об этом говорят. Важно то, что сейчас Рүкокрылые нужны Легиону больше, чем когда бы то ни было, и мы не поведем

своих братьев обратно на клинки Темных Ангелов.

- Но Магистр Войны...

Рүка Севатара оказалась на горле Вар Джохана еще до того, как тот закончил

предложение. Первый капитан приподнял
его и

впечатал спиной в стену.

- Похоже, будто меня волнует, чего хочет
Магистр Войны? - череп на лицевом
щитке Севатара неотрывно глядел
красными

линзами глаз. - Нас никогда не заботило,
чего хотел Император. С чего вдруг мы
должны разбрасываться своими жизнями
на краю

галактики и плясать под дудку Магистра
Войны? - Первый капитан отпустил Вар
Джахана и вошел назад в комнату. - Он
три года

держал нас на привязи. Хватит с меня
покорности. Пусть Гор катится в бездну со
своими чванливыми капризами. Он ничем
не

лучше Императора.

Вар Джахан последовал за братом. Ему
пришлось перешагнуть через дымящийся
труп Кел Херека, лишь мельком взглянув
на него.

Малитос умер столь же недостойно. Тело
Девятого капитана наполовину свисало с
центрального стола, по поверхности
которого

растекалась кровавая лужа.

- Так стало быть, подлинная
независимость? Наши союзники в других
Легионах - это просто взаимовыгодный
альянс?

- Это лучше, чем жить прикованными к
больному и умирающему Императору,
голос Севатара стал более мягким и
отстраненным. -

Бар Джахан, прости, что проявил злость,
он подобрал алебарду и положил ее себе на
наплечник. - Я собираюсь проведать отца.

Шаги стихли, и Бар Джахан посмотрел
на огромные фигуры терминаторов
Повелителей Ночи. Те никак не проявляли
свои мысли и

эмоции, бесстрастно глядя через алые
линзы звероподобных боевых шлемов.

- Я знаю всех вас, - обратился к ним Бар
Джахан. - Знаю ваши имена и репутацию,

нужно даже служил не со всеми. Торион, Малек, Якреш... - он перечислял имена, поочередно кивая каждому. - Что такого вам предложил Севатар? Почему вы ему так верны? Чем

он властвует над вами? Что заставляет вас служить ему, даже проливая кровь сородичей по Легиону?

Вокруг телной брони начали появляться кольца телепортационной дымки, и Торион, командир Атраментаров, покачал головой.

- Он дает нам истину.

Они исчезли так же внезапно и громко, как и прибыли, а Вар Джахан остался наедине с телами своих братьев.

ГЛАВА II

Логово

...

Последний раз Севатар плакал, когда был мальчиком, которому еще только предстояло возмужать. После той ночи больше

столетия тому назад этот мальчик так

и не стал мужчиной. Вместо этого он превратился в оружие и обрел жизнь, в которой не было

нужды в эмоциях и времени для слез.

Даже увидев в аптекарione генетического отца, Севатар не ощутил печали. Он не знал точно, почему так происходит. И в то же

время Первый капитан слышал, как в общей вокс-сети Легиона молятся и плачут закаленные воины - все до единого убийцы,

живодеры и мучители. Точно так же вели себя Лунные Волки, когда Гор был ранен. Севатар не понял этого в тот раз, не понимал и

теперь. Просто ему было несвойственно легко проявлять чувства.

Керз лежал на хирургическом столе, над ним трудились заляпанные кровью аптекарии Легиона и насекомоподобные ланы

полуавтоматизированных медицинских помощников, приделанных к потолку.

Собравшаяся толпа мешала разглядеть все как

следует, однако Севатар не питал оптимизма. Он заметил рассеченное горло примарха и стянутую неровными скрепатами плоть. Все

помещение разило пролитой кровью. В аромате было что-то грубое и первобытное, нечто, выходящее за пределы медного запаха

человеческой жизненной силы. Один лишь Император знал, что на самом деле представляли собой примархи. Севатар не был

настроен тратить время на догадки.

Но если бы примарх умер...

На этом мысль и закончилась. Он не смог ее продолжить. Это было все равно что представлять себе цвет, которого раньше не

видел, или вспоминать песню, которую не слышал. Разум бунтовал против самой попытки думать об этом.

Как бы Легион действовал без его

руководства? Без своего господина,
учителя и генетического предка? Слово
"отец" было

слишком банальным для таких вопросов.
Это понятие включало в себя смертность.
Отцы утиралаи.

Севатар очень хорошо помнил Устван.
Хотя он и провел большую часть той
ужасающей бойни, пробиваясь через ряды
воинов

Гвардии Ворона, но также бился с
Железными Руками в тот момент, когда
пал их примарх, лорд Манус. Он видел, как
по ним

прокатилось психическое эхо. Все воины в
черной броне X Легиона отреагировали с
неожиданно неуправляемой яростью, едва
заметной у некоторых и разрушительной
у прочих. Они отбросили все сомнения и
забыли про оборону.

У Севатара еще оставались рубцы после
того боя. Он мог бы зарастить и
вылечить их при помощи аугметической
хирургии или

пересадки синтетической кожи, однако предпочел оставить как есть. Они относились к тому немногому, что в полной мере

принадлежало ему - рабу генетически созданных богов войны.

Он посмотрел вниз, на собственные безоружные руки в перчатках, выкрашенных в алый цвет. Несколько месяцев назад он сказал

Темным Ангелам правду: руки красного цвета, цвета греха, были обычаям банд Нострато, который применялся к тем, кто погвел

свои семьи. Участь предателей и глупцов, которая перешла в покоряющий звезды VJJJ Легион. Ультрагесант перенял эту традицию, как перенимал многое у других Легионов. У воинов Ультратара она была менее суровой и мрачной: красный шлем означал всего

лишь дисциплинарное взыскание. Для сынов Нострато алые руки означали смертный приговор. Метку приговоренного.

Севатар заслужил красные руки на
Устване V за непростительный провал.
Само воспоминание об этом вызывало у
него по-

настоящему искреннюю улыбку, что
случалось редко. Он жил в зайты, и каждая
ночь была даром примарха до тех пор,
пока лорд

Керз не выберет час казни.

Его внимание привлёк булькающий
скрежет вымученного дыхания, но ему не
было нужды поднимать взгляд. Первый
капитан

вдохнул исходящий от человека аромат
свечного воска, тусклый запах
пергамента и старой, очень старой крови,
которую

проталкивало по слабым венам
неторопливое сердце. От новоприбывшего
стергло старостью, а значит -
слабостью.

Севатар вздрогнул.

- Трез, - поприветствовал он архивариуса.
Старик кивнул в ответ, с хрипом дыша

через маску респиратора. - Когда ты
прибыл с

"Сутрака"?

- Только что, Яго. Я за тобой. Прошу тебя,
вернись со мной на флагман. Мне нужно
кое-что тебе показать и кое-что обсудить.

...

Двери открылись, и наружу дохнуло
запахом разрытой могилы. Трез зашел
внутрь, продолжая делать неглубокие
вдохи через

респиратор. Севатар направился следом,
глухой стук его сапог по палубе эхом
отдавался от сводчатых стен.

Трез не обратил внимания на
болтавшееся на цепях тела. Севатар
обратил. Он нечасто заходил в святая
святых примарха.

Невзирая на все, что Севатар увидел и
совершил за свою столетнюю службу в
Великом крестовом походе, у него по коже
постоянно ползали мурашки от личных
покоев Керза. Здесь он видел царившее в
разуме отца безумие, которое выходило

наружу и

поражало окружающий мир. Духовные истины, воплощенные в освеженных телах и оскверненных останках.

Трез судорожно вдохнул. В надетой на него прозрачной кислородной маске скапливались капельки влаги, которые росой оседали

перед тонкими губами.

- Он говорит с ними.

- С кем?

Трез указал на тела.

- С ними.

Севатар потянулся к одному из подвешенных трупов и мягко толкнул обнаженный исхлестанный торс. Тело закачалось на цепях из

стороны в сторону. Из открытого рта, забрызгивая пол, побежал ручеек чего-то темного и влажного.

- Прелестно, - произнес Повелитель Ночи.

Он повернулся к архивариусу. - Так чего ты от меня хочешь, человек? Мне нужно собирать вместе осколки Легиона.

Трез пристроил свое старое тело на стул
возле деревянного стола, подогнанный по
размерам для обычного человека.
Совершенно

не проявляя нетерпения, он начал
ворочать пергаменты. Листки тихо
шуршали в пораженных артритом руках.

- Ты никогда не понимал того, кому
служишь, - сказал он, не отрываясь от
работы. - Никто из его воинов не понимал.
Тебе не

кажется, что это забавный недостаток,
Яго?

«Яго, - подумал капитан, - уже второй
раз».

- Меня зовут Севатар.

- Ну, разумеется, - Трез пригладил
редеющие седые волосы, отводя их от
изрытого внадинами лица. Он повертел
кусочек пергамента

на столе, пока не пристроил его как
следует, и начал читать с бумажки
кремового цвета, прерываясь на тяжелые
вдохи через

респиратор. -- Яго Севатариион, рожден на
Окраине. Первый капитан Восьмого
Легиона, командир Амраментаров, входит
в число

Рукокрылых. Также известен под именем
Севатар Осужденный и..., - Трез фыркнул и
покачал головой, - под довольно забавным
титлом: «Принц воронья».

Севатар снял шлем. Раздалось резкое
шипение сжатого воздуха, выходящего из
открытых замков горжета. Воин с
задумчивым

выражением на лице вдохнул царящий в
помещении аромат бойни.

- Не уверен, что мне нравится твой тон.
Последний, кто вот так надо мной
настухался, быстро об это пожалел,
маленький
архивариус.

- О? -- Трез поднял голову, на обветренном
лице читалось явное любопытство. -- У
кто же это был?

- Не помню имени.

- Я склонен был полагать, что все воины

Легионес Астартес огарены эйгетической
памятью. Гололитической, если угодно.

- Так и есть, - согласился Севатар. -

Просто я так и не спросил, как его звали.

В тот момент я был куда больше занят
тем, что

свежевал его заживо. А теперь говори, чего
ты от меня хотел, Трез. Что-то я
сомневаюсь, что ты меня перепутал с кем-
то, известным терпеливостью.

Старик ухмыльнулся, продемонстрировав
набор тупых зубов, потемневших от
времени.

- Если ты хочешь вести Легион, тебе
понадобится терпение.

Севатар расхохотался, втягивая в легкие
пряный мясной запах незатороженных
трунов.

- Даже ты уверен, что лорд Керз умрет?

Даже ты, преданная обезьянка, махнул на
него рукой, как на покойника? Трез, а что
ты

станешь делать, когда больше не сможешь
питаться грязью с подошв нашего

госпожина? Мне будет очень грустно
смотреть, как ты
умираешь с голода.

Архивариус вернулся к своим
пергаментам, продолжая улыбаться в
респиратор.

- Я знаю твой секрет, Яго.

- У меня нет секретов.

Трез провел кончиками пальцев по
ностратским буквам, следуя за течением
написанных чернилами слов.

- Он мне рассказал, Яго. Он все мне
рассказывает.

Севатар, не мигая, наклонил голову.

- У меня нет секретов, - повторил он.

- Тогда почему ты бежишь от сна, Первый
капитан? Почему заставляешь себя
бодрствовать недели напролет? Почему,
если у тебя

нет секретов, ты просыпаешься с холодной
кровью в колотящемся сердце в те редкие
ночи, когда уступаешь сну?

Улыбка Севатара была такой же холодной
и застывшей, как растянутые

предсмертные гримасы всех трунов,
висевших на цепях в

колнаме. Он произнес слово, в котором не
было ни осознанной угрозы, ни вообще
каких-либо эмоций. Одно-единственное
слово, чуть громче шепота. Выдох сквозь
улыбку мертвеца.

- Осторожнее.

Трезю пришлось отвести взгляд. На сей
раз дрожание его рук нельзя было
полностью списать на артрит.

- Севатар... - произнес он.

- Ааа, так теперь я Севатар. Ты чуть не
заставил меня потерять терпение и
теперь решил оказать мне толику
уважения, - капитан

подожел, сочленения его госнеха издавали
гудение. От близкого гула работающего
силового госнеха у Треза заныли десны. --

Что

он тебе сказал, Трез? Чем мой отец
поделился со своим маленьким
пожирателем снов?

- Правдой, - выдал старик трясущимся

зубами.

На лице Первого капитана вновь появилась ухмылка -- ухмылка лжеца, не затрагивающая темных глаз.

- И ты думаешь, что я тебя не убью прямо здесь и сейчас?

- Примарх...

- Примарх лежит при смерти на борту другого корабля. Да даже если бы он прямо сейчас вошел сюда, думаешь, меня это волнует?

Ты отвратителен, старик, - Повелитель Ночи сжал челюсть человека пальцами перчатки. Поворот и легкое нажатие -- и череп

архивариуса раскололся бы в руке воина. -- Вонь твоей вялой крови и изношенной ножи... Угасающий ритм дряхлого сердца у тебя

в груди... А теперь еще столь опасные слова из неосторожных уст, -- Севатар выпустил голову старика. -- Тебя легко ненавидеть, Трез.

- Я могу помочь тебе. Вот почему я

хотел поговорить. Я могу помочь.

Севатар поднялся на ноги и на ходу потянулся за шлемом.

- Мне не нужна твоя помощь.

Трез прокашлялся. Его голос был хриплым от неуверенности.

- Больше не помогает, да? Тренировка.

Медитация. Ты не можешь удерживать боль внутри, как мог когда-то.

Воин не обернулся.

- Ты ничего не знаешь, человек.

- Ты лжешь, Яго.

Севатар скрыл белое лицо под череполиким шлемом. Сверху возвышался трачный гребень в виде крыльев нетопыря из темного железа.

- Я сын мира без солнца и до мозга костей принадлежу к Восьмому Легиону. Конечно, я лгу, Трез. Мы все так делаем.

ГЛАВА III

Подготовка

Вернулось навязчивое ощущение боли, которая пульсировала волнами, накатывалась на ту сторону глаз. Когда тупая боль

достигала своего пика, и он остеливался, понадеявшись, что сейчас та уйдет совсем, она снова навалилась с нежеланной настойчивостью.

Севатар потер сухие усталые глаза большим и указательным пальцами. Он не нуждался в ретинальном дисплее шлема, чтобы

узнать, что не спал две недели. Он чувствовал каждый их час.

- Капитан? - раздался женский голос.

Он поднял взгляд от расположенного перед глазами тактического гололитического экрана и увидел темноволосую женщину в шлеме

в летном костюме, держащую под мышкой шлем с забралом. Пока Севатар глядел на нее, его снова захлестнули звуки мостика, которые разрушили остатки хрупкой концентрации. Он изо всех сил постарался

не обращать внимания на шепот,

борлотание, треск

и лязг, издаваемые тремя сотнями людей, которые исполняли свои обязанности.

- Говори, командир крыла Каренна.

- При всем уважении, сэр... герьтовое выглядят.

- Что-то это не похоже на уважение. Чего тебе, Тайе?

- У меня плохие новости, сэр.

Севатару не пришлось поддельвать улыбку. Плохие новости относились к тому незначительному, что неизменно вызывало у него

веселье.

- Ну, естественно.

- В систему только переместился «Клинок в черноте». Командор Юл на борту, жив и здоров.

- И он становится новым адмиралом флота. Передай ему мои лицемерные поздравления с должностью, которую он получил

исключительно потому, что остался

последним офицером флота. Но в чем
плохие новости?

- Он проинформировал меня по воксу, что
засада стоила жизни командиру крыла
Вериту. «Пустотные кондоры» погибли все
го

последнего. Хотите ли вы, чтобы я гала
«Клинку» эскадрилью истребителей с
одного из кораблей?

Севатар отмахнулся от вопроса.

- Спрашивай у нового адмирала, пусть он
играет в эти игры. Мой единственный
приказ -- ты и «Скрытые» должны
оставаться на

борту «Сутрака».

Каренна отсалютовала по обычаю VJJJ
Легиона, растопырив кисть, словно лапу, и
коснувшись груди пальцами -- символ
подчинения, предложение командиру
самого своего сердца. Еще одна традиция
банг, тянувшаяся на протяжении многих
лет. На Нострато она

всегда значила куда более буквальное и
грубое предложение -- настолько искреннее

заверение, что говорящему вырезали сердце

из груди, если обнаруживали, что он солгал или ошибся.

- Ваша вера в меня и моих людей весьма отрадна, капитан.

Севатар уже снова смотрел на гололитический дисплей, наблюдая за симуляцией доступных варп-маршрутов, ведущих из системы.

- Ступай, Тайе.

- Есть, сэр.

Глядя, как она удаляется, Севатар, наконец, бросил тактическое планирование.

- Эй ты, - обратился он к ближайшему сервитору.

- Да, - отозвался тот безжизненным голосом. Казалось, бионические глаза существа не в состоянии ни на чем сфокусироваться.

- Записать эти намеченные маршруты. Разослать их остальному флоту.

- Повинуюсь, - вяло произнес раб.

Подвергнутые частичной ампутации пальцы оканчивались стержнями, каждый из которых

являлся ключом к стандартным имперским терминалам. Не моргая, сервитор вставил обрубки в соединительный разъем, издав пять тихих щелчков.

Севатар снова повернулся к пустому командному трону примарха. До засады рядом всегда присутствовал адмирал флота Т орун

Кешр, постоянно пребывавший в состоянии спокойной готовности. Севатар так ни разу и не увидел его встревоженным, даже когда

человек утирал, лежа под обломками, а вокруг пылал мостик.

- Прошу вас, помогите встать, - сказал старый офицер. Севатар даже не стал пытаться. У человека не было ног. Первый капитан не

мог разглядеть их в дыму, а если бы и мог, то это ничего бы не изменило даже

на секунду.

Севатар заставил себя вернуться в настоящее.

- Вызвать капитанов Офиона, Вар
Джахана, Крукеша, Тована Тора, Нарану и
Аластора Рушала на «Сутрак», - произнес
он, не

заботясь, кто из офицеров выполнит
приказ. - Я буду ждать их в покоях
примарха.

И, не сказав более ни слова, он вышел из
стратегуута.

...

- Яго, - поприветствовал его старик, когда
двери распахнулись.

На мгновение на лице Первого капитана
появилось какое-то выражение почти
лживой улыбки. Казалось, Севатар
действительно

пребывал в замешательстве. Он
недоверчиво прищурил один глаз, глядя на
сгорбленного старика у стола, окруженного
разлагающимися телами, которые
свисали с потолка на проржавевших

тясницких крюках.

- Ты вообще отсюда выходишь?

- Редко, - признался Трез. Приход
Севатара отвлек его от записей. -- Что-то
не так?

- Не больше обычного. Сегодня вечером
здесь соберутся мои братья, человек.
Побудь где-нибудь в другом месте.

Трез подавил грюжь, хрипло дыша через
респиратор.

- Куда мне идти?

- Любопытный вопрос. Меня это не
волнует. Куда угодно.

- Но Яго...

Севатар медленно, очень медленно
обернулся. На нем не было шлема, но
шейные сочленения доспеха все равно
неприятно

заурчали, когда воин повернул голову к
архивариусу.

- А ну-ка, назови меня так еще разок, -
произнес он.

Трез посмотрел на Первого капитана
VIII Легиона, стоявшего посреди бойни с

подвешенными трупами. Его лицо было настолько

нездорово бледным, словно Севатара уже можно было тоже запросто вешать на крюк. Лежавшая на бронированном плече цепная

длефа превышала по длине рост самого воина.

- Севатар, - тихо поправился Трез.

- Уже лучше. Разве ты не должен быть на борту «Свежевателя» и присматривать за снами примарха?

- Не сейчас, - отозвался старик. - Он не видит снов в твоём понимании слова. Зато его закрытыми глазами лишь абсолютная тьма.

- Очаровательно. Если уж так хочешь остаться, то по крайней мере сиди тихо.

- Хорошо. Спасибо, Севатар.

Севатар согласно фыркнул и направился к тем висящим трупам к рабочему месту Треза за громадным круглым столом примарха С

одной стороны на самой крошке

располагались пергаменты и инфопланишеты архивариуса. Остальную часть круглого стола

занимал разлагающийся труп. Он выглядел так, словно его разделил на части хирург, не пользовавшийся никакими инструментами, кроме собственных голых рук. К поверхности стола прилипли куски мяса, приставшие благодаря засохшей крови и телесным жидкостям.

Севатар покачал головой и протянул руку, чтобы отпихнуть труп в сторону.

- Нет, - произнес Трез. - Нет, Севатар.

- Почему нет? - рука воина затерла на растерзанном теле.

- Лорд Керз говорит с ними.

- Ты уже говорил.

- Нет, - Трез прокашлялся, но его голос все равно остался булькающим из-за мокроты.

- я имею в виду, что он говорит с ними

такими, какие они есть. Когда их передвигают, он узнает об этом и приходит в ярость.

Севатар схватил тело за торчащий
хребет и скинул со стола. Уздав глухой
удар, оно распростерлось на полу.

- Мы разберемся с безумием притарха,
когда он вернется к нам. Если вернется,
капитан ввел код на показавшейся панели
управления, нажимая пальцами на
клавиши, покрытые желчужинами из
засохшей крови. Работавшие
гололитические генераторы

затерцали и ожили, воссоздав последнее
показанное изображение - мертвую
планету Тсагүальсу, окруженную плотным
полем

астероидов.

Севатар стер образ и запросил обзор
локального участка пустоты. Возник
флот, хотя часть гололита была
занята красными

полосами из-за крови на двух проекционных
модулях.

- Он не всегда был таким.

Трез вновь поднял глаза от работы.

- Прости?

Севатар не осознавал, что произнес это вслух.

- Примарх. Он не всегда был таким. У него был замысел того, как лучше всего приводить миры к согласию, и мы охотно ему

следовали. И посмотри, во что он теперь превратился. Личные покои отражают внутреннее безумие. Его заживо пожирает собственный разум.

Трез не ответил.

- Неужто не будет комментариев, старик? Никаких хитрых реплик или мудрых слов? Разве ты не ближе всех к нашему господину в

этой громадной и великой галактике?

Архивариус сглотнул, медленно дыша через респиратор.

- Он идет по тому же пути, что и прочие из вас, Севатар. Просто он ближе к концу. Наступит ночь, когда вы все станете такими, как

он.

- Только не я. И не говори о нем так, будто

он проклят. В нем еще есть благородство.

Сила.

- О, я знаю, - Трез указал на тела. -- С ним не всегда так плохо. У него было... несколько тяжелых месяцев до засады. Его сны были

мрачны и отравлены сомнением. Он знает, когда и где умрет, Севатар. Всегда это знал. Это знание отравляет его сильнее, чем ты

с тобой в силах представить. Неизбежность давит на его сознание, будто прилив.

Севатар покачал головой.

- Как-то раз он говорил мне то же самое. Примарх сказал тебе, когда, по его мнению, наступит этот момент?

- Да.

Севатар довольно легко скрыл ошеломление, хотя и не ожидал, что примарх когда-либо поделится подобным.

- Это время сейчас?

- Нет.

- Тогда почему в твоих покрытых

катарактами глазах тревога, старик?

Если это правда, почему он две недели
страдает в коме, на

границы смерти? Если ему предначертано
умереть через месяцы, годы, столетия...
так почему нашим апотекариям
тридцать девять

раз пришлось возвращать его к жизни? Он
не может дышать, если его не подключать
к машинам, которые поддерживают жизнь,
заставляя органы работать, - Севатар
едва не сплюнул и с ухмылкой произнес
последнюю фразу. -- Я не верю в судьбу,
пророчество и рок. Примарх -- провидец и
гений, но даже он может свалить дурака.

Трезь благоразумно промолчал. Спустя
считанные секунды дверь снова
распахнулась. В проеме стоял воин в
череполиком шлеме с

таким же широким крылатым гребнем,
как и у Севатара. Его доспех был украшен
цепями, к каждой из которых было
прикреплено по

черепу. Некоторые принадлежали чужим,
но большая часть -- людям.

- Сев, - поприветствовал новоприбывший,
входя в комнату.

- Товак, - отозвался Севатар. Они не
стали обниматься или пожимать
запястья, как было принято у близких
братьев в иных

Легионах. Вместо этого воины долгий
миг осматривали друг друга, а затем
Товак Тор снял шлем.

- Выглядишь так, словно умер и забыл
остановиться, - заметил Товак.

- Слышал уже. Как твой корабль?

- Развалина, кусок дерьма. Просто чудо,
что он до сих пор не развалился на части
после полученной от Ангелов взбучки, -
Товак

оглядел комнату, прищурив черные глаза.

- У 114-й долго не было особых причин
бывать на борту флагмана, Сев. Как я
погляжу, со времени моего последнего
визита примарх провел небольшую
перестановку.

- Верно. Поговорим об этом, когда
прибудут остальные.

Товак кивнул и бросил взгляд на Треза.

- Проваливай, грызун. Хозяева разговаривают.

- Брось, - отмахнулся Севатар. -- Пусть остается. Он безобиден.

- Ты размяк, Сев.

Севатар изобразил театральный поклон.

- Понятия не имею, о чем ты. Я сама доброты.

Товак фыркнул, уголок его губ скривился в улыбке.

- Рад снова тебя видеть, брат.

Севатар не знал, что на это следует ответить. Эта фраза его всегда удивляла, и он не понимал, зачем другие так часто ее

произносят. Он промолчал и указал другому капитану на руническое изображение кораблей, находящихся в локальном

пространстве.

- Собралась треть флота. Лучше, чем я ожидал.

- Хорошее начало.

От внимания Севатара не ускользнуло напряжение в черных глазах Товака. Тот был терранцем, однако геносемя изменило его так

же, как и всех их.

- Говори, - произнес Севатар. -- Я бы предпочел, чтобы новые Руккрылые не начинали с секретов и лжи друг другу. Это был

чрезвычайно неэффективный способ руководства Легионом.

Товак кивнул.

- Я так и думал, что ты меня вызвал по этой причине. Об этом я и хотел спросить, брат. Я рад быть избранным. Горд, несомненно.

Но почему я?

- Протекция. Быть может, мне просто захотелось набрать командиров из своих немногочисленных грузей.

- Сев. Прошу тебя.

Севатар продолжал смотреть на тактический дисплей. Свечение

окрашивало его лицо нестрым синим светом.

- Потому что я тебе доверяю. К тому же ты не умеешь врать, и мне это нравится. И кроме того, на мое решение могло повлиять

Умиротворение Арайи.

Товак ухмыльнулся, с явной злобой оскалил зубы. В VIII Легионе никто не обладал хотя бы отдаленно привлекательной улыбкой.

- Сто четырнадцатая и сама получила удовольствие в ту ночь, скажу я тебе. Наверное, выжившие в Араие до сих пор рыдают над свежавальными ямами.

Ответ Севатара прервал скрежет вновь открывшихся дверей. Новый визитер вошел более осторожно, чем Товак. Скрытая шлемом

голова поворачивалась от капитана к капитану, не обращая явного внимания на висящие тела.

- Капитан Севатар, - поприветствовал он.

- Капитан Товак.

- Капитан Офион.

Тот воспринял свое имя как приглашение и вошел, постоянно держа руки возле убранного в кобуры оружия. Офион старался не

касаться трупов, он обходил их, а не отпихивал плечом, как Товак.

- Признаться, я понятия не имею, почему меня позвали на этот совет.

- Подозреваю, что об этом спросят еще не раз, - ответил Севатар. -- Скоро сюда придут остальные. Нужно обсудить будущее

Легиона

ГЛАВА IV

Рукокрылые

...

Вар Джахан, капитан Двадцать седьмой роты. Рожденный на Терре, как и многие в Легионе. Старый воин, известный своей осторожностью, в большей степени тактик, чем убийца. Он служил VIIII Легиону с первых дней Великого

крестового похода, когда

Повелители Ночи только отправились к звездам. Севатар испытывал к нему огромную симпатию, хотя понятия не имел почему.

Следующим был Нарака, капитан Тринадцатой роты. Нарака Бескровный, как без тени улыбки именовали его братья. Он заработал

это прозвище во время приведения к согласию Восемьсот Девять -- Пять, пятого завоевания 809-го Экспедиционного флота.

Тринадцатая рота захватила целую планету, не пролив ни капли крови, воспользовавшись средствами, о которых позволили узнать

немногим из числа прочих старших офицеров Легиона. Когда Нараке задавали вопросы по этому поводу, он всегда отказывался от

обсуждений. Его рота дала обет секретности, который оставался нерушимым уже много лет.

Севатар знал, что произошло. Ему нравилась эта история.

За Нараккой следовал Товак Тор, капитан Сто четырнадцатой. Товак Однорукий вступил в Легион одновременно с Севатаром,

поскольку в детстве они попали в одну банду. Прозвище досталось ему из-за врожденного уродства - он появился на свет лишь с

одной рукой. Невзирая на увечье, он прошел вступительные испытания в VJJJ Легион и немедленно получил аугметический протез.

Однако тот все равно был не столь надежен, как настоящая конечность. Апотекарии сообщили Товаку, что у его уродливой руки нет

полноценно развитой мускулатуры, поэтому аугметическая замена всегда будет немного нетвердой.

Затем Офион. Будучи капитаном Тридцать девятой роты, он не смог чем-либо выделиться, кроме обычной славы,

сопровождающей столетие надежной и
верной службы. Все записи о нем -- хотя
VJJJ Легион не отличался особой
педантичностью в

их хранении -- сообщали о ностратском
офицере-ветеране, который лучше всего
подходил для передовой и командования
своими

людьми в авангарде, получая лишь
ограниченную зону ответственности в
более масштабных кампаниях. И все же...
Офион

приказал своему кораблю «Саван
Эвентиды» оставаться на месте, отбивая
внезапное нападение Темных Ангелов и
помогая

Севатару и «Сутраку» выиграть время
для бегства менее быстрых кораблей. Так
что Офион явно не был мыслителем.
Севатара

это устраивало. В Легионе, где
тактическая трусость считалась одной
из самых лучших и забавных доблестей,
редкое проявление

стелости всегда заслуживало внимания.

Крукеш, капитан Сто третьей роты, был
плотью от плоти VVV Легиона. Покинув
Терру в молодости, он стал капитаном в
смертельном поединке, забрав голову
своего бывшего командира. Что бы
подумали Ультрагесантники или
Имперские Кулаки, если

бы подобные варварские обычаи
Повелителей Ночи стали известны до
предательства? Подобная дикость
являлась естественным

продолжением честолюбия воинов,
свободных от моральных ограничений. В
войнах банг Нострато Квинтус
существовали сотни

вариаций поединков чести и ритуалов
наследования, основанных на убийстве
предшественника. «Бледным» Крукеша
прозвали

братья. Геносема примарха делало белой
кожу всех, кто выдерживал имплантацию,
и чернило радужку их глаз. Однако Крукеш
был

хүдым до изможденности, и его бледность выходила за пределы болезненности, гранича с чем-то сверхъестественным. Он выглядел, словно закованный в полночный кератит истощенный мертвец, во впалях глазницах которого пылали черные глаза.

Севатар подозревал некую разновидность незначительного вырождения геносемени -- такое явление было необычным, однако не являлось чем-то неслыханным. Как бы то ни было, у Севатара и Крукеша были свои счеты. Долги былых времен. Даже от воспоминаний о них у Первого капитана чесалась кожа.

Последним был Аластор Рушаль, рожденный на Терре, однако происходивший не из генного хранилища VJJJ Легиона. На нем все

еще был доспех его Легиона, окрашенный в холодный черный цвет с зубчатой белой насечкой. Благородная эмблема на наплечнике -- белый ворон с широко распростертыми крыльями -- была ритуально разбита ударами молота,

находившегося в руке

самого Аластора. С брони исчезли все указания на звание, их соскоблили после смертных полей Уствана. Его лицо было бледным, а глаза — темными, как у Повелителей Ночи. В отличие от окружающих его воинов, лежавший на сгибе рук и шлем не имел

гребня в виде крыльев нетопыря, носимых внутренним кругом капитанов VII Легиона. Воин без знаков различия стоял особняком в этой компании.

Севатар кивнул Аластору, а затем обратился ко всем разом.

- Вы поможете мне вести разбитый Легион. Теперь вы — Рукокрылые Повелителей Ночи. Вопросы будут?

Некоторые обменялись взглядами. Трезв скрыл улыбку за респиратором. Единственным, кто заговорил, был Товак.

- Это приветствие? Так ты нас встречаешь?

- Да, - Севатар и глазом не моргнул, - а

ты ожидал торжественной речи?

- Не знаю, чего я ожидал.

- Тогда почему ты кажешься разочарованным?

- Я...

Севатар склонил голову.

- Вопросы по существу?

- У меня есть один, - произнес Офион. Его лицо представляло собой мешанину свежих швов и пересаженной кожи. - Почему мы?

- Потому что остальные Рукокрылые мертвы, в живых остались только мы с Вар Джаханом.

- Ну, естественно. И как же они погибли? - поинтересовался Офион.

- Некоторых убили Темные Ангелы. Остальных убил я. Ну, точнее, Атраментары по моей просьбе.

Офион фыркнул, не проявляя даже тени удивления.

- Но почему мы?

Севатар несколько секунд молча рассматривал другого капитана.

- Ты очень подозрителен, Офион.

- Да, это так.

Севатар счел, что правда ничему не повредит.

- Вы все так или иначе верны мне, сообразительны, надежны и свободны от слабости человеческого милосердия.

Легиону

необходимо руководство. Ему нужны мы.

- Тогда скажу я, - Крунеш указал рукой в перчатке на Аластора, и на его костлявом лице застыла ухмылка. -- Почему Ворон здесь? У

него нет роты. Нет людей. Он не может быть одним из Руккрылых.

- Может, потому что я так сказал. Если только примарх не встанет и не отменит мой приказ, Ворон будет с нами. А теперь к делу.

Севатар снова вызвал гололитический дисплей.

- Братья, вы видите больше трети флота Легиона. Мы связались с точками сбора в Укреше, Тауре и Соме.

Статистика потерь

отнюдь не радует.

- Не тяни, - проворчал Вар Джахан.

- В ходе внезапной атаки Темные Ангелы уничтожили больше двадцати пяти процентов флота. За три часа они прикончили

четверть Легиона.

Новоиспеченные Руккрылые переглянулись. Никому не хотелось ничего говорить, и они позволили Севатару продолжить.

- Прошло всего две недели. Несколько десятков кораблей еще могут быть в варпе, или же их могло отбросить от точек отхода.

Однако даже подтвержденные потери ужасны. Все капитаны видели гибель других кораблей. Объединив эту информацию в один

список, можно увидеть, что в пустоте или на поверхности Шеола погибла пятая часть Легиона. Так что...

Севатар снова повернулся к братьям.

- Вопрос в том, что мы будем делать.

- Отомстим, - произнес Вар Джахан. -
Отомстим Темным Ангелам.

- Не вынуждай меня убивать и тебя тоже.
Месть Первому Легиону будет дурацким
крестовым походом. Я пытаюсь устроить
все как

можно более демократично, но не надо
испытывать мое терпение.

Кружеи постукал костяшками пальцев по
столу.

- А что с примархом?

- Все еще в коме, - ответил Вар Джахан, -
на борту «Свежевателя».

- А что означает... - Нарана едва
заметным жестом указал на висящие
вокруг тела, - ... все это?

- Это, - произнес Севатар, - результат
того, что маленький теленат нашего
примарха больше не выполняет свои
обязанности.

Разве не так, Трез?

Старик заторгал, жадно глотая кислород
из маски, когда семеро воинов медленно

повернулись к нему. Сбивчивая попытка
ответить оказалась безрезультатной.
Она вообще еле сорвалась с губ.

- Пожиратель Грехов нас погводит? -
спросил Нарака.

- Похоже на то, - отозвался Севатар.

- Мои повелители... - Трез сглотнул.

- Теперь мы «мои повелители», -
устехнулся Севатар. - Чуть раньше я был
просто «Яго».

- Повелители, прошу вас. Перед засадой
сны лорда Керза стали слишком
трачными и отравленными. Я старался
очистить их от
боли.

Крукеш приблизился к иссохшему
архивариусу. Мертвенное лицо уставилось
на человека сверху вниз.

- Ты не справляешься с обязанностями,
маленький псайкер?

Трез снова сглотнул, и у него дернулся
кадык.

- Прошу... Я делаю все, что могу... Когда он
возвратится к нам, я усвою усилия, клянусь

гущой...

Наракка присоединился к Крукешу, глядя на сгорбленного ученого.

- Ты уже давал слово Легиону, теленат. Утеперь подвел нас.

- Севатар... - сүтел прошептать Трезмежду частыми вдохами.

- А ведь я предупреждал, чтобы ты побыл где-то в другом месте, - заметил Севатар. Он позволил словам повиснуть в воздухе, чтобы содержащаяся в них угроза добавила остроты злобыным черным глазам, уставившимся на архивариуса.

- Оставьте его, - наконец сказал Первый капитан. - Он нам нужен.

Два капитана отступили, один из них постеивался, а другой хранил молчание.

- Вырождение притарха -- серьезная угроза для нас, - произнес Бар Джахан с другого конца комнаты. -- Одно дело насаживать головы на колья, чтобы предостеречь рабов о цене неповиновения. И совсем другое -- жить среди тел мертвых легионеров и слуг

Легиона.

Севатар мягко толкнул один из ближайших трупов, и тот закачался, гремя цепями.

- Вырождение -- это грубое слово. Мне жаль, что я сам его использовал раньше. Нашего господина терзают призраки, это правда.

Но он не сломлен. Его отравляет эта война, эта ссылка в глубины черноты. Он ощущает себя бесполезным.

- Это догадка, - произнес Нарака.

- Ты строишь предположения, - в тот же миг сказал Крукеш.

- Правда?

Крукеш с шипением выдохнул сквозь окровавленные зубы.

- Просто расскажи нам свой план, Севатар. Мы не глупцы. Ты что-то задумал.

- Это не план. Намерение. Я собираюсь разделить остатки Легиона. Я рассею Повелителей Ночи по всей галактике, чтобы они

сражались, как того пожелают. Каждый

из вас возьмет те силы, которые сможет
собрать, сформировав одну из шести
Великих рот.

А потом делайте, что хотите. Пока вы
пускаете кровь Империи, мне плевать
на остальное. Отрежьте себе кусок
империи

Человечества. Отправляйтесь со мной в
долгий крестовый поход к Терре, - Севатар
пожал плечами. - Выбор за вами. Вар
Джахан, если ты все так же
бескомпромиссно настроен на драку с
Темными Ангелами, можешь остаться
вместе со своими ротами и
замедлять их, как тебе хочется.

Вар Джахан не ответил. Севатар видел,
как в глубине его черных глаз кружатся
мысли.

- Шесть Великих рот, - произнес Товак. -
Ворон будет одним из Рукокрылых, но ему
пог начало не дадут людей? Зачем вообще
его

включать?

В ответ Аластор только натянул

улыбнулся.

Севатар кивнул.

- Он один из нас, и неважно, был ли он рожден на Нострато и что за кровь в его жилах. Принадлежность к Восьмому Легиону -- это

больше, нежели плоть и кости. Он заслужил место в элите на Устване. Ты против?

- Нет, - Товак склонил голову в направлении Аластора. - Всем здесь известно, что я не питаю к Ворону вражды.

- Нам нужно время на размышление, Первый капитан, - сказал Вар Джахан.

- У вас три ночи, а потом я начну координировать корабли тех сил, которые беру с собой к Терре.

- Если мы не согласимся с этим... разделением, ты нас убьешь? - спросил Офион.

Севатар ответил своей растянутой ухмылкой.

- А мне-то говорили, что ты не склонен к

размышлениям, капитан Офион.

...

Севатар прибыл на «Свежеватель» вместе с Вар Джаханом. За ними по пятам следовал Экра Трез. В других Легионах появление

Первого капитана и командира корабля могло бы вызвать хотя бы небольшую церемонию. Трудившиеся на ангарной палубе рабы и

слуги VJJJ Легиона склонили головы в почтительном молчании и изо всех сил постарались нести службу как можно более незаметно.

Когда капитаны шли по темным коридорам корабля Вар Джахана, Севатар тихо заговорил.

- Я вот только что понял, что всегда хотел узнать кое-что.

Вар Джахан глянул влево, немедленно занервничав от задумчивого голоса брата.

- Да?

- Что чувствовали терранцы в Легионе, когда все мы смотрели, как горит

Нострато? Это ведь была не их родина.

Бар Джахан задумался над вопросом, не зная, как лучше ответить.

- Половина Легиона - терранцы, Севатар. Ты что, ни разу ни с кем из них об этом не говорил?

Первый капитан не ответил. Порой ему было очень трудно понять, что у других людей иное восприятие мира. Разумеется, он

знал, что у них была другая жизнь, и другой опыт, но ему было сложно представить их систему ценностей. По сути, он не мог

смотреть на мир с чужой точки зрения.

Отчасти проблема заключалась в том, что он крайне редко ошибался. Из-за этого было сложно воспринимать мнения и

наблюдения других людей всерьез. Он всегда был таким, даже в детстве. Мать говорила, что он повзрослеет и лучше сойдет

с людьми.

Не повзрослел. Не сошелся.

В бою все было так же. Он не знал, почему и там выделялся среди прочих. Не знал, почему бежит и убивает быстрее, а устают

медленнее, чем они. Как-то раз он бился с Сигизмундом из Улперских Кулаков — единственным воином за сто лет войны, который

сумел поставить его в тупик. Поединок длился почти тридцать долгих, очень долгих часов, заполненных потом, ругательствами и

лязгом железа.

В конце концов он схитрил и завершил дуэль, ударив Храмовника головой на глазах сотен воинов из обоих Легионов, и тем самым

дисквалифицировал себя. Это было нарушение правил и конец серии побед Сигизмунда.

Верный своему характеру Сигизмунд лишь растеялся. Горделивый стоицизм, которым славился Первый капитан Кулаков, не

лишал его юмор человечности. Севатар
всегда этому завидовал, поскольку ему
самому было очень трудно смеяться,
шутить и

сближаться с братьями по оружию.

- Забудь, что я сказал, - обратился он к
Вар Джахану. - Удачи на совете с
капитанами, брат. Я займусь
перемещением примарха.

Два капитана разошлись. Трез молча
шаркал за Севатаром.

«Я знаю твой секрет, Яго». При
вспоминании о словах старика он
испытывал странный холод.

Севатар вошел в аптекарию,
отсалютовав трем аптекариям, которые
оставались рядом с лежащим примархом.

Когда он

приблизился к хирургическому столу, те
ответили на его приветствие.

- Есть изменения, Валзен? - спросил
Севатар у главного аптекаря.

- Никаких. Он спит.

- Признаки снов?

- Все еще никаких свидетельств при
церебральном сканировании ауспиком,
лицо Валзена было частично
аугметическим, сталь и

серебро копировали черты, утраченные
после удара цепным кулаком в схватке с
воином Железных Рук на Устване.

Черный

кератический глаз не моргал, а рот не
шевельнулся. Севатар не особо интересовался
историей, однако ему подумалось, что

сверкающий лик восходит корнями к
постертным маскам примитивных
культур Древней Терры.

- Готовься переместить притарха в
апотекарион на борту «Наступления
ночи». Мы уходим через три ночи.

- Конечно, капитан, - Валзен затешился,
хотя хромированное лицо продолжало
оставаться бесстрастным. - Почему здесь

Пожиратель Грехов? Сэр, я сообщал во
всех докладах, что притарх не видит снов.
Присутствие Треза не требуется.

- Я знаю. Не тревожься на этот счет.

- Как пожелаете.

Севатар оглядел занятый работой апотекарион: сервиторов, слуг в зеленых хирургических халатах и апотекариев Легиона, которые

оставались возле примарха. Он знал всех трех воинов-хирургов. Валзен был его собственным апотекарием, офицером Амраментаров. Двое других были соответственно из Третьей и Десятой рот.

- Оставьте меня, - велел всем Севатар. - Даже ты, Валзен. Очистите апотекарион. Я хочу, чтобы все ушли.

- Капитан...

- У меня есть идея насчет того, что может вернуть его.

- Сев, я должен остаться. Ты не можешь ожидать, что я уйду.

- Я ожидаю, что ты сделаешь, как я приказываю, - повинувшись редкому мгновенному озарению, Севатар смягчился, положив руку на

наплечник Валзена. - И ожидаю, что ты

доверишься мне, брат.

Когда они остались одни, Трез медленно вздохнул. Его скрипучее дыхание звучало болезненно и размеренно на фоне рычания гонимых Севатара и электронных звуков медицинского оборудования.

- Так вот зачем ты меня привел, - произнес архивариус. Его голос глухо разнесся в пустой комнате.

Севатар стоял над спящим припархом. Пребывающий без сознания Керз казался менее несчастным, не столь ослабленным усилиями по командованию пустотной партизанской кампанией здесь, в черной бездне, на протяжении более двух лет и сотен

звездных систем.

Керз не был рожден для этого. Он был юстициарием, судьей, тем, кому суждено смотреть в глаза предателям и ворам, оглашая их

приговор. И чем он стал теперь? Генералом? Адмиралом? Военачальником, заваленным логистическими данными и

тактически

сводками, которого бросили вместе с сыновьями толиться на дальнем краю галактики.

Хуже того, теперь он и сам был предателем.

Севатар видел отчаяние примарха, его слабость и жажду цели, пока Легион был разделен на части, изолированные в глубокой

пустоте. Вигел, как это происходит с томеном отбытия в сектор Тратас, и теперь хотел получить ответы. Терпения и догадок

больше было недостаточно.

Облаченная в перчатку рука Севатара замерла над бледным лбом примарха. Полусогнутым пальцем не хотелось касаться лица

отца.

- Это может тебя убить, Яго.

Он ответил на слова Треза кивком.

- Знаю.

Архивариус с бульканьем втянул воздух.

- У тебя есть силы для этого. Но нет контроля.

- Знаю, - снова произнес Севатар. - Но я должен попытаться. Я не хочу, чтобы он умер, - капитан посмотрел на свою алую перчатку, служившую свидетельством его преступлений. -- Однажды я уже подвел его, и не позволю этому произойти второй раз.

Трез вздохнул. На внутренней поверхности его респиратора заблестели капельки конденсированного дыхания.

- Обратного пути не будет. Если ты высвободишь гар, который так сильно старался забыть... Некоторые двери невозможно закрыть.

Севатар почти не слушал.

- Я уже и так еле сдерживаю его, - произнес он. Голос был едва слышен за гудением вентиляторов на потолке. -- Ты мне

положешь? Я не смогу сделать это в одиночку.

Старик, хрустя позвоночником,

подковылял на стянутых шинах ног. Он протянул руку, пораженную пигментными пятнами и

артритной дрожью, и сошкнул узловатые пальцы на тыльной стороне красной перчатки Севатара.

Первый капитан опустил кисть, положив кончики пальцев на лоб отца.

- Ты говорил, что он не видит снов, Трез, - произнес Севатар безжизненным голосом, глядя в никуда. - Ты ошибался.

ЧАСТЬ II

СЫН МИРА БЕЗ СОЛНЦА

...

ГЛАВА V

Мальчик, который станет королем

...

Мальчик поднялся из обломков. На нем не было одежды, только пятна прилипших к телу пепла и пыли. Он посмотрел на небо, темное, как пустота, и лишенное света без солнечного ока. Посмотрел на металлические останки своей механической колыбели, от

потрескавшейся и покрытой пугырями
бронированной обшивки которой все еще с
шипением исходил пар. А затем, все с тем
же

абсолютно бесстрастным лицом,
постотрел на горизонт.

Город. Город шпилей и куполов. Его огни
были низкими и тусклыми, но все же
озаряли окружающий трак, словно таяк.
Первое

появившееся на лице мальчика выражение
было едва заметно, однако красноречиво.
Его глаза прищурились, когда сердце
забилося быстрее.

Он инстинктивно знал, что найдет в
далеком и полном света улье себе
подобных. Эта мысль заставила его
потянуться в поисках

оружия. Белые пальцы обхватили
зазубренный кусок металла, остывавший в
земле. От ощущения ножа в руках на юном
и

лишенном шрамов лице появилось второе
выражение.

Он улыбнулся.

...

Они бы никогда не смогли его поймать, как бы ни пытались.

Благодаря черной одежде мальчик казался размытым пятном, которое вырвалось из теней на углах улиц. Его рваные ботинки едва

касались земли. За ним следовала пальба, гавкающая в ночи, будто зверь. Пули, словно насекомые, зажужжали мимо ушей. Его

ухмылка стала жестче, и он побежал быстрее. За угол. На аллею. Он перескочил через грязные дождевые лужи, перекатился и

присел между двумя большими контейнерами для бытовых отходов. Мальчик засунул белые руки в карманы, наклонил голову,

чтобы грязные черные волосы упали на лицо, и задержал дыхание.

Совершенно не двигаясь и став одной из теней, он ждал. Появилась запылавшаяся

группа преследователей, тяжелое дыхание которых пахло ядовитой водой, а кожа — кровью других людей. Некоторые двинулись налево, некоторые направо, но все они пробежали по лужам, превратившим аллею в настоящее болото.

Мальчику пришлось постараться, чтобы сдержать улыбку. Благодаря следам на тротуаре выследить их будет проще простого.

Один остался на аллее. Но его сбивоту дыханию и колотящемуся сердцу мальчик, не глядя, понял, что человеку мешает поспевать

за погеляниками собственная дородность. Мальчик открыл глаза, поднялся на ноги и вышел из тени. Он позволил сжатому в руке

ножу поймать отблеск ближайшего уличного фонаря.

Человек повернулся и посмотрел прямо в улыбающееся и ощерившееся лицо щуплого мальчика.

На крик вернулись его грузья. Самым

расторопным потребовалось меньше
двадцати секунд, чтобы снова оказаться у
входа на

аллею. Когда они появились, мальчика и
след простыл, а толстяк из их банды
лежал на спине в луже дождевой воды,
которая

лутнела от горячей крови. У него были
отрезаны все пальцы, а лицо содрано до
кости.

...

Он хотел есть.

Он знал, что может обобрать мертвецов,
взять монеты с кунюрати и купить пищу.
Знал и то, что может просто украсть
пропитание у

уличных торговцев, забрав плоды и
теплый хлеб. Он был слишком быстрым,
чтобы его когда-нибудь смогли поймать.

Желудок мальчика скручивался в узел,
сворачиваясь клубком и издавая стоны от
нехватки пищи и. В прошлый раз, когда он
был

настолько голоден, то пытался пить

собственную кровь. Это помогло несколько
унять боль, однако он остался таким же
слабым, как
и до этого.

Крыс уже не хватало. Ему требовалось
больше. Два часа назад он поймал одну, но
она была нужна ему для ловушки в
качестве

приланки. Понадобились все силы, чтобы
не сдаться перед муками живота и просто
не съесть хилое животное вместе с
маленькими хрустящими костями и всем
остальным.

Наконец у входа на аллею заворчали и
зарычали три дикие собаки, одна другой
грязнее и ободраннее, которые дрались за
мертвую крысу, оставленную мальчиком
на открытом месте. У него защищало язык
от прилива густой горячей слюны.

Мальчик

потянулся за ножом и побежал.

...

Он наблюдал за лежащим внизу городом,
присев на краю крыши и сгорбившись в

погращание соседствующей с ним
чудовищной

горгулье. Лохмотья, в которые он был
одет, совершенно не могли
воспрепятствовать холоду. Он слишком
быстро рос, почти

каждую неделю приходилось красть что-
то новое. На самом деле он уже не был
малышом. Он был того же роста, что и
люди, которых он резал, расчленял и
убивал.

Территория под ним принадлежала
мужчинам и женщинам, на лицах которых
были вытатуированы красные слезы.
Обычно

малыш избегал их владений, но в эту
ночь его привлекли крики. Он уже
предупреждал, и не раз. Предупреждал, что
они будут

платить кровью всякий раз, когда придут
в его часть города.

Но все же они приходили. Приходили
шайками, убивали мужчин из соседнего
района и вводили женщин на потеху. Нет.

Хватит.

Бледный человек соскользнул с крыши, используя для спуска только опоры на каменных стенах. Его ботинки коснулись аллеи внизу

с легкостью призрака, и, облаченный в нищенское тряпье, он направился взглянуть, почему его предупреждения не сбылись.

Они ставили часовых на линии брошенных фабрик, которая отмечала границу их территории. Он наткнулся на одного из них --

человека с паршивой собакой -- спрыгнув через дыру в разрушенном потолке.

Часовой обернулся, вскидывая ружье, но бледный человек сломал ему руку в локте и всадил в грязную шею кинжал из стекла.

Собака зарычала и попыталась, оскалив клыки, но не желая драться. Бледный человек пристально поглядел на нее в ответ,

прищурив глаза и показав собственные белые зубы.

Собака бросилась наутек, повизгивая и скуля.

Перед тем как уйти, бледный человек перепилил мертвому часовому шею и оставил отрезанную голову на железном решетчатом

заборе. Возможно, размещение предостережений на территории банды сработает лучше. В этот раз он оставит дюжину, быть может, двадцать.

А если не сработает, то в следующий раз оставит сорок.

...

Плач был для него музыкой. Стрельба — стехом. Горе и паника — куплетами и припевом всей его жизни. Не потому, что они

доставляли ему удовольствие, а потому что в этом городе он не слышал ничего другого. Эти звуки питали его в детстве вместо

молока матери. Слушая плач, сопровождающий упадок города, он обрел

зрелость, а затем вышел куда-то за ее пределы.

О нем писали. Он не умел читать, однако управлял и понимал смысл, видя надпись или прокручивающийся на мониторе текст. Он

выучил местный язык без усилий, даже не зная каким образом. Просто пришло понимание, и казалось, что так и должно быть.

Его называли мстящей душой. Убийственным эхом Эры Нежеланного Закона, бродящим по городу. Привидением Старой Земли,

которое охотится на улицах по ночам. Сначала его нагелили именовали, чтобы придать облик своим страхам. Довольно скоро имя

стало проклятием.

Ночной Призрак.

...

Он призраком скользил по собору, по этому огромному дому ложного бога, беззвучно полз по сводчатому потолку, скрываясь вне

досыгаемости света. Королева-жрица
этого монументального сооружения крала
у своих людей. Она лишала их денег,
свободы и

крови. Забирала их детей. Управляла их
жизнью. И все это за сомнительную честь
пробытия под ее защитой -- защитой от
других

королей улиц и королев аллей, которые
вели бы себя точно так же, как и она.

Бледного человека печалил вид слабости
людей. Порой казалось, что они ничем не
отличаются от псов, которых обычно

использовали для охраны жилищ. Они так
же терпели побои и носили ошейники и
привязь, пусть и не столь буквально.

Многие, загнанные в узаконенное рабство,
носили татуировки хозяев или же просто
бегали по улицам дикими стадами,
отбирая все, что

хотели, при помощи угроз или силы.

Большинство тех, кто не был в городе
рабами под присягой, работали
литейщиками. Они трудились на

страдных заводах, выдох
которых душили небо, застилая слабое
солнце.

Он бродил на краю общества, где не было
страха перед наказанием и как следствие -
понятия правосудия. У этих людей не
было

основополагающей необходимости -- и
сожалений по этому поводу -- подчиняться
чему-либо, кроме права сильного. И даже
это

право было разделено и раздроблено между
многими сотнями мелких лидеров банг и
уличных командиров.

Едва ли вообще люди. Ближе к животным.
Существа в улье.

Однако он наблюдал за ними и учился. Их
поведение определялось одними лишь
инстинктами. Инстинкт можно
контролировать.

Хищников можно приручить. Добычу
можно пасти.

Бледный человек знал, что этой ночью
ему придется появиться перед многими из

них — так сказали карты. Тысячи собравшихся в

этом недостойном святилище впервые увидят его. Необходимая поблажка, не более того. Он учился у них. А теперь они поучатся у него.

Он крался все ближе и ближе, готовясь прыгнуть с потолка.

Падение убило бы одного из них, но бледный человек уже свыкся с тем, что принадлежит к особой породе. Он разжал хватку, перевернулся в воздухе, и рваные одеяния распротерлись, словно израненные крылья.

Судорожные вздохи толпы прозвучали громче, чем его приземление. Их жрица, их хозяйка в изящном облачении, пахнувшей оружейным маслом и кровью невинных, загрожала и обточилась. Она умерла еще до того, как начала падать. Жизненная влага

хлестала из дыры в груди. Бледный человек раздавил сердце жрицы в руке, с

хрустом стиснув истерзанное мясо.

- Ночной Призрак... - произнес в ошеломленной толпе чей-то одинокий голос. И внезапно это начали повторять все, кто шепотом, а

кто крича. Некоторые побежали, другие тыкали пальцами, кое-кто потянулся за собственным оружием.

И в этот миг он увидел истину -- ту, которую чувствовал, но с которой никогда не сталкивался лицом к лицу. Они ненавидели его так

же, как их хозяева. Он точно так же являлся для них демоном. Никто не был в безопасности.

Бледный человек развернулся и скрылся от пристальных взглядов, все это время не переставая смеяться.

...

Ключом к переменам должна была стать демонстрация стаду, что их грехи влекут за собой угрозу кары. Им необходимо было увидеть, каким будет правосудие, поскольку только так они смогли бы

выучить урок.

Страх являлся оружием чище любого другого. Страх удержит их в повиновении, раз уж они столь явно показали, что нельзя верить, будто люди самостоятельно сохраняют простейшие идеалы.

Ночной Призрак узнал все это, наблюдая и изучая, вплетая свои познания в инстинктивное ощущение того, как должен работать

мир. У него не было образования, и его не волновали идеалы цивилизованности и культуры. Безнравственность поражала его

своей неправильностью на куда более глубоком и примитивном уровне. Насилие друг против друга противоречило самому пути

стадных животных вне зависимости от наличия у них разума. Порозня люди никогда не возвысятся, ничего не достигнут и не

прогвину́тся вперед. У них не было даже того единства, которое требуется для

процветания благодаря ненависти к
общему врагу.

Даже это гало бы какой-то уровень
прогресса и сплоченности, и даже это было
им недоступно. Их жизнью управляла
эгоистичная

потребность красть друг у друга и
убивать соседей.

Ночной Призрак размышлял об этом,
держа за горло сопротивляющегося
человека. Сегодняшняя ночь ничем не
отличалась от

других, и предстояло пролиться крови
грешников.

- Пожалуйста... - пробормотал мужчина.
Он был стар, что только все усугубляло.
Ночной Призрак мог лишь гадать, сколько
лет тот

высасывал кровь и деньги из жителей
города. Он обитал на самом верху греха и
осквернял все вокруг своей мерзостью.

- Пожалуйста... - снова проговорил человек.
- Пожалуйста.

Пожалуйста. Как же часто Ночному

Призраку доводилось слышать, как в его присутствии, запинаясь, произносят это слово?

Неужто они и впрямь ожидали, что он обратит внимание на их просьбы?

- Я дам тебе все, чего пожелаешь, - говорил старик. - Что угодно. Все, что хочешь.

Ночной Призрак зарычал, издав из глубины горла булькающий звук. Он ненавидел просьбы, главным образом потому, что не понимал их. Они знали, что виновны и что за ними пришло правосудие. Они это заслужили. Их поступки вызвали необходимость в

этом. Так зачем просить? Зачем пытаться скрыться от последствий собственных действий? Зачем вообще грешить, если цена

расплаты настолько высока?

Человек продолжал умолять, и он снова зарычал.

- Ты это заслужил, - отозвался Ночной Призрак странно мягким голосом. - Не

проси. Не вини меня. Таков конец избранного тобой пути.

- Пожалуйста...

Ночной Призрак согрознулся от омерзения. Пожалуйста. Опять это слово. Первое слово, которое он выучил, слыша, как оно срывается с трясущихся губ бесчисленных трусов.

- У меня есть семья...

- Нет, - Ночной Призрак глядел сквозь челену грязных волос, остатривая пустой склад. - Твоя жена и дочь уже мертвы. А дом

сгорел дотла час назад.

- Ты лжешь... Лжешь...

Ночной Призрак выпустил горло старика, и тот остался лежать на земле, не в силах двинуться из-за переломанных локтей и

коленей. Ночной Призрак склонился над пленником, держа нож, сделанный из осколка разбитого стекла. Острие вдавилось в

мягкую кожу под правым глазом старика.
- Все, кто связан с тобой кровным
родством, мертвы за соучастие во
множестве твоих преступлений. Это
стекло из окна твоей
спальни. Я взял его после того, как
освежевал твою жену, пока она еще
дышала.

Он толкнул клинок вперед, погрузив его в
открытый глаз старика. Вот тогда
начались настоящие крики.

Спустя три часа старика нашли
распятым на шпилье брошенного здания
городского ополчения. Пустые глазницы
таращились на

проходивших людей, дождь хлестал по
ободранным мышцам. Освеженный
человек умер почти через двадцать
минут, и все это

время он кричал изо всех сил, насколько
ему это удавалось без языка.

...

Лето и война начались неожиданно. Ни
одно лето на его памяти не жгло так

ильно и долго, окисляя облак а над

Нострато Квинтус

атмосферными бурями. Отравленному
городу были знакомы кислотные дожди как
неизбежный итог заводских выбросов, но в
этом

сезоне ливни были настолько едкими, что
счищали краску со стали и разъедали
незащищенную кожу.

Войну как будто бы вели в тени, однако на
бессолнечном мире весь город превратился
в поле боя. Ночной Призрак знал, что они

охотятся за ним. Знал и поощрял. Это
значило, что связывающая население
иерархия начинает чувствовать угрозу.

Даже лучше --

они начинали бояться. Они хотели, чтобы
он умер и не успел придти за кем-то из
них. Жители города ненавидели его уже
годы, еще с тех пор, когда его илья
шептали, рассказывая о городской легенде,
а он только увечил и убивал жалкое
отребье, не делая

ничего более грандиозного.

Но теперь в изгнание вступали власти
илющие. Они тоже боялись его. Понемногу
все изменялось.

Последним из хозяев города от его руки
пал барон-землевладелец, который
надзирал за вложением средств в фабрики
по

переработке агатангия на юге города.

- Люди -- это животные, -- сказал Ночной
Призрак съжившемуся аристократу. -- Без
страха перед наказанием все
разваливается.

Центр не справляется.

- Пожалуйста...

Опять это слово.

- У тебя была вся власть и все
возможности, но ты не смог усвоить
простейшую истину о сущности людей. У
тебя был шанс. А

теперь твоя смерть научит истине
остальных.

Ночной Призрак подвесил безголовое тело
за лодыжки на силовом шпигеле. На трупе не
было одежды, только жестокое украшение

из трехсот девяти разрезов на коже -- по одному за каждую жизнь, оборвавшуюся в недавнем пожаре на фабрике.

...

Его не пугало обстоятельство, что теперь на него охотились люди, обладавшие властью. Пусть пытаются.

Каждый день он спал в

новом логове -- в те дни, когда вообще решал, что нужно поспать. Ночной

Призрак отбросил снятую кожу тупого головореза, которого поймал на крыше,

когда тот напал на женщину. Обогранное ничтожество умерло еще до конца

свежевания. Женщина

убежала, как только ее спасли, крича и ни разу не обернувшись.

Ночной Призрак отыл лицо в крови мертвого насильника, замятав кожу

грехом, а затем потчался в вечную ночь города.

...

Повязка на предплечье потемнела от пота и грязного дождя, но по крайней мере

рана перестала кровоточить. Ночной

Призрак

проверил руку, покрутив запястьем, поработав локтем и согнув пальцы.

Больно, не более того. От пули останется шрам, но разве так было не всегда? Он уже какое-то время не смотрелся в зеркало, но, проводя по груди и спине загрубевшими кончиками пальцев, ощущал, что от пулевых отверстий остались уже не просто бугорки

рубцовой ткани. Он не мог увернуться от всего, насколько бы не превосходил по скорости людей, которые на него охотились.

Он все так же мерз каждый вечер. Был все так же обездолен. Но и это вскоре должно было измениться. У него была идея.

Мечта в

кошмаре наяву.

Ночной Призрак наблюдал, как стайка детей-попрошак, уличных сирот, которых еще не взяли в банды, забирает драгоценности и

деньги с мертвого тела, которое он оставил в восточке. Он мог бы убить их -- но горлу подступало искушение -- однако стародержство

вызвало у него слез.

Когда дети обернулись с расширенными от испуга глазами, он уже исчез.

...

Бывали целые ночи, когда он не чувствовал крови. Теперь они оставались в своих домах и жилищах, редко выбираясь на улицы после

вечернего закрытия заводов. На дорогах города больше не разносились звуки стрельбы и крики раненых, изнасилованных и

утирающих.

Однако Ночной Призрак продолжал наблюдать своим городом и своими людьми. Грехи стали тише, преступления утаивались,

однако город не освободился от их разлагающего воздействия. Он хотел от них лишь страха, и получил только его.

Страх принес

повиновение. Страх заставил их подняться выше своих тошнотворных животных инстинктов и жить как люди.

За ним все еще шла охота, однако в правящей элите было немного тех, кто мог продолжать выражать свое недовольство.

Головорезы и наемные стрелки становились известны тем, что вообще отказывались на него охотиться, а недалекие и трусливые

люди, желавшие его стерти, никогда бы не вышли на улицу, чтобы сделать все самостоятельно.

Ночной Призрак перекусил кость, дочиста слизнув остатки мяса. Он больше не ежился от кислого вкуса свинины. Годы, проведенные в нужде, полностью лишили его колебаний и сомнений.

Он отшвырнул человеческую берцовую кость и облизал зубы. Бывали ночи, когда он почти что скучал по вкусу собачатины.

...

-- Дамы, - произнес он. -- Господа.

Услышав эти слова, собравшиеся аристократы напряглись. Телохранители потянулись к спрятанному оружию.

Ситуация

балансировала на лезвии ножа.

Он присел на верхушке трона министра. Огромная и странно изящная фигура казалась темнее из-за лохмотьев, надетых поверх

бледной и покрытой шрамами кожи, а также грязного покрывала темных волос, частично закрывавших лицо.

- Нам нужно поговорить, - сказал он. Голос звучал, словно дыхание призрака, едва слышимое шипение. В полумраке глазницы казались впалыми отутами на лице духа. Улыбка выглядела щелью между молочнобелых губ.

Телохранители, одетые лишь в дорогие костюмы, уже целились в него. Пистолеты. Пулеметы. У него было множество шрамов от такого оружия. При виде направленных

прямо на него двадцати стволов
безрадостная улыбка стала только шире.

- Вы не сможете меня убить, - заклокотал
голос. -- Даже не пытайтесь. Все должно
закончиться не так.

Ночной Призрак подался вперед, и на его
лицо упал серебристый свет маломощных
осветительных полос, установленных на
потолке. Его мрачные черты с тем же
успехом могли бы быть изваяны из
алебастра. Они были безжизненны, словно
камень, и

холодны на ощупь.

- Зачем ты здесь? - спросил один из
аристократов. -- Чего ты хочешь?

Ночной Призрак чувствовал в дыхании
человека медную горькость страха.

- Я мог бы попросить этот город, не правда ли? Но он уже не ваш. Я и так получил его.

Он продолжал сидеть на верхушке трона, окутанный лохмотьями и тенями. Он чувствовал, какой эффект оказывает на них его

присутствие: слышал как по одежде струится моча, как глухо стучат колотящиеся сердца, как на шеях поднимаются дыбом крохотные волоски.

- Моя роль в том, чтобы возвысить вас над вашей дикой сущностью. Роль создания, которое стоит выше и за пределами всего, чем

вы являетесь. Я -- грехи этого города, и люди могут быть безгрешными.

Самый храбрый снова заговорил. Его пальцы дрожали, но в черных глазах не было сомнений.

- И это твоя философия? Все убийства и осквернения движимы... этим?

- Здравый смысл. Истиной. Я изучил,

как работают ваши сердца и умы. У
владея этим знанием, принес мир вашей
культуре.

- Ценой свободы.

Ночной Призрак медленно втянул воздух
сквозь свою как будто прорезанную ножом
улыбку.

- Пока я правлю, царит мир. Я не жду, что
ты поймешь. Ты маленький человек с
мелкими мечтами.

- Ты принес покой кладбища, - аристократ
остелился сделать шаг ближе. -- О мире
ценой отказа от всякого выбора, от всякой
свободы. Город живет в страхе,
вынужденный существовать по тем
стандартам, которые ты взвалил нам на
плечи.

- Да, - отозвался Ночной Призрак. -- Да.

- Но каждое преступление...

- Карается, - Ночной Призрак слушал, как
их сердца гонят кровь по жилам.

- Карается смертью независимо от
преступления. Независимо от размеров
преступления. Люди в городе живут в

тишине, чтобы ни

одно слово не навлекло на них смерть за
выступление против тебя.

- Да, - Ночной Призрак прикрыл темные
глаза, словно вслушиваясь в эту самую
тишину, повисшую над городом. --
Послушай.

Послушай это чистое безмолвие. Разве
оно не утиротворяет?

Юный лорд покачал головой.

- Как благородно с твоей стороны, зверь.

- Бальтиус, - в устах Ночного Призрака
имя человека стало шепчущим и ласковым
клинком. -- Ты еще жив благодаря
потенциалу, который я в тебе вижу.
Утолкни, и, возможно, сможешь
продолжить свое существование во славу
твоего терпения.

- Ты чудовище.

- Нет, - пальцы Ночного Призрака
искривились, будто когти. -- Я посланник
цивилизации. Но чтобы стать светом в
вашей тьме, я
должен облечься грехом.

Незванный гость протянул руку, медленно откинув волосы с запавших глаз.

- Люди -- это животные. Звери, если воспользоваться термином Бальтиуса. Однако их можно пасти, контролировать, можно

властвовать над ними. Угроза наказания заставляет их жить согласно принципам закона. Через страх они возвышаются над животным. Я на пороге великих дел, дамы и господ. Великих свершений. Я держу этот город за горло. Теперь у нас есть мир. Есть

безмятежность. Вы хоть понимаете важность этого слова? Мы окажемся в преддверии великих чудес, если используем мир, чтобы

подстегнуть прогресс.

Он вновь поднял руку, глинные белые пальцы медленно сошлись вместе, будто раскрывающийся цветок, показанный в постепенном обратном воспроизведении.

- Но мне нужно больше. Больше от этого города. Больше от его жителей. Больше

от этого мира, который мы зовем своим домом. Я

хочу то, что принадлежит мне по праву и благодаря бремени ответственности за тех, кто подо мной.

Улыбка Ночного Призрака, наконец, угасла. Он окинул взглядом каждого. Его глаза были холодными и жесткими, словно опалы, вложенные в глазницы голого черепа.

- Я стану вашим королем.

ГЛАВА VJ

Память

...

Он больше не охотился. Шли годы, и необходимость в этом отпала. Его город был тихим ульем, озаренным светом прогресса, а в

более буквальном смысле -- уличными фонарями и башнями маяков.

Десятилетиями не совершалось никаких преступлений и

прегрешений. Последние следы анархии и сопротивления исчезли после того, как он

начал транслировать расправы по всему городу через пиктеры, которые были в каждом доме, передавая по планетарной коммуникационной сети вопли жертв.

После этих казней, записанных в тронном зале, прекратились последние остатки преступлений. Людям было известно, что при

самом малейшем поводе он отправится на улицы. Движимые страхом, последние стойкие души, наконец, приняли предлагаемое им спасение.

Нострато Квинтус, столица мира без солнца, рос с каждым годом.

Им были знакомы перелеты в пространстве, хоть и в недоразвитой, безвзрывной форме. Они достигались до горстки планет в

окрестных звездных системах. Нострато на протяжении поколений торговал с этими тирани своими обильными запасами

адамантия, но под властью Ночного

Призрака планетарный экспорт вырос до беспрецедентных объемов, как и выгода от этих

предприятий. Пламя городских плавильных кузниц запылало жарче, перерабатывающие фабрики раскинулись по всему городу, а шахты еще сильнее углубились в бесценную кору Нострато.

После начала комендантского часа город спал в абсолютном спокойствии. С каждым рассветом рабочие вставали в лучах полусвета утирающего солнца, повторяя трудовой цикл снова и снова. От города несло избытком промышленности. Это был

жгучий страх угля и химических примесей. Сами же люди пахли унылой жизнью и горьким страхом.

Ночной Призрак стоял на балконе безликого серого шпиля, который считал своим затком, и пристально глядел на свой город

вместе с вырезанными в камне злобными

горгульями.

Сегодня этот день наступит. Ночной
Призрак знал об этом, как знал обо всем.
Ответы приходили к нему как и всегда: во
снах.

Овладев миром, он обнаружил, что его
постчеловеческие чувства обострились и
вышли за все вообразимые пределы. На
каком-то

безмолвном уровне он знал, что с ним
происходит некое превращение. Он
созревал, развивался в... в то, для чего был
рожден.

Сначала это проявлялось в знании, о чем
скажут люди еще до того, как те
начинали говорить. Вскоре после этого он
привык видеть

события большинства дней во сне ночью
накануне.

Довольно скоро он уже грезил наяву.
Грядущее стало накладываться на
восприятие происходящего. Он говорил с
подчиненным и

переставал воспринимать речь, слыша

Вместо нее последние слова слуги,
которому предстояло умереть через
девять лет от

сердечного приступа. Он видел лица своих
губернаторов, и все они были покрыты
морщинами от еще не прожитых лет, а
также

еще не полученными шрамами.

Одно видение жгло действительно сильно,
пылая ярче всех остальных.

- Следите за небом, - велел он окружающим
губернаторам на последнем конклаве. --
Приближается флот. Флот такого
размера, что

его двигатели озарят небо так, как
никогда бы не стогло наше солнце.

- Будет война? -- спросил Бальтиус.

- Да, - ответил Ночной Призрак, -- но не с
прибывшими. Война будет потом, вдали
от рубежей Нострато.

- Кто они? -- спросил другой губернатор. --
Чего они хотят?

- Это воины моего отца. Он идет за мной.

Город рыдал при виде Посланников Света. Плакали все мужчины, женщины и дети, собравшиеся на улицах. Бледные лица взирали

на находившихся в центре гостей, а небо озаряли ложные звезды двигателей пустотных кораблей.

Чужеземцы шли неснешной и царственной процессией. От ритмичной поступи буквально содрогалась земля. Они двигались

огромными сокрушающими фалангами, разные армии носили черную, золотую, темно-фиолетовую или землисто-серую броню. Их

вели гиганты. Гиганты возвышались над своими воинами так же, как те над мертвыми. Перед исполинами двигалось солнце в

людском обличье. Это был бог, облекшийся в человеческой плоть, которой было не сдержать его духовное пламя. Всех, кто остеливался взглянуть на него, ждала слепота. Весь остаток своей жизни они

видели лишь образ живого божества,
выжженный на
их мертвой сетчатке.

Миллионы и миллионы жителей
Нострато Квинтус, храня безмолвие,
расширенными от благоговения глазами
наблюдали, как

иномирцы маршируют в город. Тишина
была настолько плотной и
неестественной, что граничила с чем-то
нечеловеческим. Даже

дождь прекратился. Сам сезон бурь
затаил дыхание, когда процессия
иномирной мощи подошла к башне
Ночного Призрака в
сердце города.

Он ждал их.

Армия разом остановилась, все четверть
миллиона солдат замерли в один миг.
Четверо гигантов выступили вперед. Их
возглавляло сияющее божество.

Первый полубог, облаченный в кованое
золото, склонил беловолосую голову в
величественном жесте признания. Король

приветствовал равного себе.

- Я -- Розал Дорн, - произнес он.

Ночной Призрак не ответил. У него перед мысленным взором стояла сцена смерти гиганта. Его опрокидывала наземь сотня убийц в

темном туннеле. Ножи и мечи были влажными от крови воителя.

На втором гиганте был узорчатый серый доспех, покрытый гравировкой из десятков тысяч слов, словно некий ученый исписал камень пером. Воин кивнул выбритой татуированной головой, также покрытой надписями -- золотыми буквами на загорелой коже.

- Я -- Лоргар Аврелиан, - сказал он. Голос Дорна был размеренным, величавым и требовательным, его же звучал, будто гимн. -- Мы

искали тебя, брат.

В его доброжелательных глазах была скорбь -- скорбь при виде темного города, его болезненных жителей и свидетельств их

бесцветного и изнурительного существования.

Ночной Призрак снова промолчал. Он видел, как воин кричит в пылающие небеса, увенчанный психическим пламенем.

На третьем из гигантов был клепанный черный доспех. Его руки были из твердого серебра, однако обладали таким рельефом и

подвижностью, словно являлись живыми конечностями. Голос скрежетал сталью, словно недра завода.

- Я -- Феррус Манус, - произнес он. Его глаза были темными, однако в них отсутствовала холодность.

Ночной Призрак продолжал хранить молчание. Он видел, как голову воина держат за пустые глазницы закованные в броню чужие пальцы.

Броня последнего колосса была раскрашена в фиолетовый цвет чужеродного заката. У воина были глиняные серебристые и прекрасные волосы. Он был единственным,

кто улыбался, и единственным, кто встретился с Ночным Призраком глазами

теплотой во взгляде.

- Я -- Фүлгрим, - сказал этот последний из властителей. -- Раг, наконец, встретит тебя, брат.

Ночной Призрак все еще молчал. Он видел лишь титанский образ этого гиганта. Тот постоянно стаялся и ускользал, никогда не

показываясь полностью.

Бог шагнул вперед, широко раскрыв объятия, и набрал воздуха, чтобы заговорить.

- К...

Первый же звук поразил Ночного Призрака, словно вонзившееся в сердце копьё. Он рүхнул на колени, сүдорожно слясь вдохнуть.

На оскаленных зубах повисли нитки слюны. Кровь хлынула из разорванного сердца, равно как и из перерезанного горла.

Сжимающиеся на шее рүки не могли

сдержатъ струю. Вся его жизненная сила
хлестала наружу текучим потоком,
который обжигал

холодные пальцы. Изнутри на глаза
обрушивались образы убийств.

Он ощутил, как на голову легла рука. По
этому сигналу боль мгновенно прошла, и в
миг милосердия к нему вернулся рассудок.

Ему

не перерезали горло. Сердце не
разорвалось. Ночной Призрак взглянул
вверх и увидел, как безликий и
неподвластный времени

золотой бог меняет облик на
человеческий. Лицо человека-божества
могло принадлежать любому мужчине с
любого из миллиона

миров. Оно одновременно принадлежало
им всем. Апофеоз Человека.

- Успокойся, Конрад Керз. Я пришел, и
натереваюсь забрать тебя домой.

Ночной Призрак поднял руку и отбросил с
изможденного лица потные волосы.

- Меня зовут не так, отец. Мои люди

дали мне имя, и я буду носить его до самой смерти.

Он поднялся на ноги, не желая стоять на коленях.

- И мне очень хорошо известно, что ты готовишь для меня.

...

Сцена замерла. Ночной Призрак взглянул на застывшего во времени Императора — божка, претендующего на роль отца группы

безумцев и военачальников. Посмотрел на братьев, на Легионы, которые стояли позади них в прекрасном строю.

Он посмотрел на толпу, которая замерла в том же неподвижном совершенстве пикт-изображения. В воздухе блеснули частички

пыли, попавшие под власть тех же чар, что и люди вокруг.

Ночной Призрак обернулся и увидел фигуру, закованную в кератин цвета ясной полночи. Пластины брони пересекали нарисованные молнии. Воин стоял в

одиночестве и безмолвно наблюдал, в его черных глазах не было ни обвинения, ни осуждения.

- Севатар, - обратился Ночной Призрак к пристально смотрящему воителю, - ты не должен быть здесь.

...

Севатар приблизился. Эхо его шагов разносилось по улице, черные глаза продолжали метаться по замершей толпе.

Он не смотрел

на Императора. Неважно, воспоминание это было или нет, но он не имел неукротимейшего желания, чтобы ему залило глаза

расплавленным золотом. Последний раз, когда он глянул на Императора во плоти, то провел семь недель в аптекарском покое

зрение не восстановилось. От нетерпения он чуть было не потребовал аутолетические глаза.

- Мой господин, - обратился Первый капитан к отцу.

- Ты не должен быть здесь, - повторил примарх. Теперь он был Керзом, а не просто Ночным Призраком. Так же, как и его сын, он

стоял облаченным в полночь. Руки заканчивались убийственными когтями длиной с лезвие косы, созданными для него в

лабораториях-кузницах далекого Марса. -- Скажи, зачем ты пришел.

- Ну что за вопрос? -- Севатар оперся на алебарду, поставив ценной клинок на прокритовую дорогу. -- Вы мой примарх, отец. Как я

могу не пойти на риск, чтобы спасти вас?

- Потому что я твой примарх, - Керз покачал головой. Его улыбка была столь же трагичной, как и деяния. -- И я возглавляю Легион

ничтожеств с бесчестными сердцами, в которых нет верности ни мне, ни друг другу.

Севатар пожал плечами, скрежетнув сочленениями доспеха.

- И все-таки я весьма популярен среди братьев. Поразительная загадка, - он снова посмотрел дорогу. - Почему вы размышляете над

этими мгновениями, господин? Что тянет вас в прошлое, когда будущее все еще под угрозой?

Керз не ответил. Он поманил Севатара за собой и направился по улице, огибая застывших воинов Демей Императора.

- Ты не должен быть здесь, - опять произнес примарх. - И не потому, что это нечто личное. На это мне плевать, Сев.

- Тогда почему нет?

- Ты знаешь почему, - Керз устехнулся. Это прозвучало так, словно ящерица давится пылью. - За одну ночь ты свел на нет

десятилетия усилий по подавлению своего дара, - примарх обернулся через плечо, глядя на следующего прямо за ним сына. -

Твоя душа более не защищена. Я могу читать тебя так, как не мог на протяжении многих лет. Я вижу сквозь твои преграды, поскольку они уже

таковыми не являются.

Севатар знал, куда клонится разговор.

- Я не хочу знать.

- Хочешь. Все хотят, - Керз снова посмотрел вперед и свернул в сторону, чтобы пройти через отдельную фалангу

Ультрагесантников, возглавляемых стойким командиром.

- Я уже просил вас не рассказывать мне, сир, - Севатар последовал за ним. Лицо Первого капитана мрачнело. - Прошу, соблюдайте наш былой уговор.

- Нет, - Керз снова издал сухой смешок, словно скрежет ветра в склепе. - Ты выступишь в бою.

Севатар сглотнул.

- Это едва ли можно считать удивительным, повелитель. Не имею желания знать остальное.

- Ты в безопасности, Сев. Я мало что вижу помимо этой очевидной истины.

Севатар еще минуту шел за ним молча.

- Я начинаю жалеть, что делаю это. Я

надеялся найти вас и... - фраза повисла в воздухе, он не был уверен, что хочет закончить ее.

- И? -- наполнил примарх.

- И спасти вас, сир.

- Вот поэтому мне так и нравится твое общество, Севатар. Ты лучше всех шутишь с невозмутимым видом.

Севатар нахмурился.

- Лорг Керз, я собрал треть Легиона, - он говорил так же, как всегда докладывал своему сеньору: четко и отрывисто. --

Рукокрылые

снова готовы. Я намереваюсь разгромить флот и повести основную часть к Терре. Оставшиеся растворятся в пустоте, нападая на

имперские линии снабжения, сжигая мины и устраивая в центрах городов новые свежевальные ямы. Как в старые времена.

Керз оглянулся через плечо. Теперь его зубы были заточены и превратились в крохотные костяные кинжалы, как в реальном мире.

- Ты так сказал «имперские», словно мы сами не имперцы.

Севатар кивнул в ответ.

- Не уверен насчет этого, сир, - он еще несколько минут следовал за примархом, двигаясь среди воинов в пурпурном облачении

Детей Императора. -- Трез со мной. Я его слышу, чувствую на загворках своего разума. Он помогает мне находиться здесь. Не знаю, как именно.

- Он хороший человек, - тихо произнес Керз. -- По крайней мере настолько хороший, насколько это возможно у нас на флоте. Среди

нас нет хороших людей, да?

- Мы делаем то, что необходимо, сир, - Севатар миновал капитана Детей Императора, узнав надписи на его броне. Он быстро

обдумал, не попытаться ли убить воина здесь, в воспоминании примарха. Улей эта идея хоть какие-то шансы на успех, он бы

осуществил ее без сожаления.

Пройдя через ряды III Легиона, они начали продвигаться сквозь темные ряды закованных в железо воинов X Легиона. Севатар

поймал себя на том, что смотрит по сторонам, выискивая символику воинов, которых убил на Устване.

- Господин? -- спросил он, когда несколько минут миновало в тишине.

- Говори, Сев.

- Почему вы нас ненавидите? -- он задал вопрос тихо и осторожно, без злобы или желания оскорбить. Однако Керз все равно замер

на месте и развернулся. В глиняных кривых клинках, которые выступали из сочленений перчаток притарха, отразилось золотистое

сияние ореола Императора, находившегося на расстоянии нескольких кварталов.

- Что?

Севатар заговорил так же просто, как и до того.

- Почему вы -- единственный приларх, который ненавидит собственный Легион? Что мы вам сделали?

Керз едва заметно улыбнулся.

- Не так давно я беседовал с Андроном и Лоргаром. Они рассказывали мне о своих чистках, об уничтожении неблагонадежных

элементов в Двенадцатом и Семнадцатом. Когда братья об этом сказали, я расхохотался от полной абсурдности этой идеи. Они

точно знали, когда нужно перестать убивать слабых, неверных и испорченных представителей своего рода. Я бы даже не

знал, с

кого начинать.

Севатар пренебрежительно фыркнул.
- В любой другой день эти слова ранили бы мои чувства, сир.

- Оглянись вокруг, - произнес Керз. - Ты родился на этой планете. Вырос здесь, как и я. Император похвалил меня за управление

этим миром. Оно вызвало восхищение
даже у Фүлгрима. Образец повиновения.
Послушный мир, как они сказали. Были ли
тои

люди счастливы? А это вообще имело
значение? Я сделал их людьми, невзирая на
животные наклонности. Сделал их
цивилизованными, несмотря на
примитивные инстинкты. Возвысил их
над уровнем зверей. На мне лежал долг
высшего существа.

И я исполнил его.

Керз посмотрел на высившиеся со всех
сторон серые шпили, верхушки которых
были скрыты ядовитой дылкой
застывшего стога
заводов и мануфактуров.

- И посмотри, как меня отблагодарили.
Меня не было всего несколько лет, и все
испортилось. Мой родной мир отравил
Легион

рекрутами, бесполезными в качестве
солдат. Насильники. Убийцы. Воры.
Отребье. Отбросы. Мусор.

Севатар едва не расстеялся.

- Сур, вы ничем не отличаетесь. Легион погл и недисциплинирован, так как создан по вашему образу и подобию.

- Нет, - этот единственный звук был пропитан сожалением. -- Нет, ты не понимаешь. Севатар, я никогда не претендовал на

совершенство. Однако я стал грешником, чудовищем, Ночным Призраком, чтобы этого никогда не пришлось делать моим людям. И

посмотри на результат. Взгляни на рекрутов с Нострало спустя всего лишь десятилетие после моего ухода. Посмотри, какую тразь

они мне прислали. Посмотри на мерзительные отбросы человечества, которых мои же аптекарии наделили моим генетическим

материалом и переделали в транслюдей. Восьмой отравлен, Сев. Поколения таких же убийц, как и я, но лишенных моей убежденности. Они злодеи и головорезы

потому, что хотят таковыми стать, а не потому, что кто-то должен ими быть.

- Конечный итог от этого не меняется, - сказал Севатар - Страх - это оружие.

- Предполагается, что страх - средство достижения цели. Посмотри, какое кровопролитие мой Легион устроил за последние годы, еще даже до конца крестового похода. Страх сам стал целью. Это было все, чего они хотели. Они пытались ит. Мои сыновья были

сильны, и пускали кровь слабым забавы ради. Скажи, капитан, где тут благородство?

- А где благородство во всем этом? - Севатар обвел жестом окрестные улицы Нострато Квинтус. - Можешь называть это жестоким

благородством, отец, но жестокости тут гораздо больше.

Бледные губы Керза раздвинулись, обнажив заточенные зубы.

- Другого пути не было.

- Не было? - Севатар ответил на оскал

отца ухмылкой. -- А что ты еще пробовал?

- Севатар...

- Ответь, отец. Какую мирную политику ты проводил? Какое научное и социальное просвещение ты принес этому обществу?

Стремясь к утопии, что ты попробовал, помимо поедания мяса бродячих собак и свежевания людей заживо?

- Это. Был. Единственный. Способ.

Севатар снова расстелся.

- Единственный способ добиться чего? Приструнить население? А как же тогда это удалось другим примархам? Как этого добивался один мир за другим, не прибегая к расправам над детьми и трансляции их воплей по планетарной вокс-сети?

- Их миры никогда не были такими... такими утиротворенными, как мой.

- И твое утиротворение кончилось, стоило тебе отвернуться. Давай, расскажи мне еще раз про свой успех. Расскажи, как идеально

все работало.

В мгновение ока Керз оказался рядом.

Рука притарха сожмнулась на горле Севатара, оторвав того от земли и перекрыв дыхание.

- Ты переходишь границы, Первый капитан.

- Как ты можешь мне так лгать? -- сдвинуто прорычал Севатар. -- Как ты можешь лгать самому себе? Я здесь, в твоём разуме, и

наблюдаю театр твоих же воспоминаний. Теперь твой путь -- это путь Восьмого Легиона. Но это никогда не был единственный путь.

Всего лишь самый простой.

Хватка Керза сжалась ещё сильнее.

- Лжешь.

Севатар прищурил глаза. Керз выдал из него остатки воздуха.

- Тебе нравился этот путь, -- прошипел капитан. -- Ты полюбил его... как и все мы. Власть... Справедливость...

Керз отпустил его. Севатар рухнул наземь. Кералит заскреб по рокриту, и сочленения брони издали рычание.

- Сын... - он утолк, восстанавливая дыхание.

- Сын божий, - мягко произнес Керз. -- Вставай, Севатар. Оставь меня.

Первый капитан погнулся. У него плыло в глазах.

- Я нигуда не пойду, сир. Только с вами.

Керз улыбнулся. Но крайней мере так показалось его сыну.

- Я восхищаюсь твоим упорством. Всегда восхищался. Но ты - лишь моя тень, Севатар. Тебе со мной не сравниться. Уходи.

- Н...

...

Севатар вдохнул. Легкие наполнил ужасающе холодный стерильный воздух.

Трез отпустил его руку. Перед ними спал примарх, покрытый шрамами от клинка Льва.

Возвращались остальные чувства. Он почувствовал хлорный химический запах апотекариона -- запах, который никогда не мог

полностью скрыть аромат свежей крови.
Он услышал натужное дыхание Треза и
биение сердца старика. Услышал сирены.
Си...

Севатар снова настроился на вокс-сеть, и
на него моментально обрушились пятьсот
голосов, накладывавшихся друг на друга. Он
сконцентрировался на протатывающихся
рунах, которые плясали на ретинальном
дисплее, и активировал прямой канал
связи с

флагманом.

- Говорит Севатар, - произнес он.

- Первый капитан! -- он не узнавал голоса.
Несомненно, смертный. Однако это мог
быть один из нескольких сотен членов
экипажа

мостика. Севатару сложно было
различать их голоса. Но правде говоря, он с
трудом различал даже их лица.

- Рассказывай все.

- Темные Ангелы, сэр. Они нас нашли

ГЛАВА VII

Сутрак

Тактический гололит замерцал, когда двигатели «Сутрака» запылали в полную мощь. После запроса телепортации на флагман

Севатару потребовалось четырнадцать минут бега, чтобы добраться от основной пусковой палубы до стратегиума. Он опасался, что к моменту его прихода сражение уже закончится. В некоторых коридорах он убивал членов экипажа, которые не успевали

достаточно быстро убраться с дороги.

Услышав предупредительные сигналы сближения и звон ауспиков, он испытал редкое доселе облегчение. Флоты еще не сошлись.

Добравшись до мостика, он посмотрел на тактический дисплей, потребовал передать на левую глазную линзу данные о состоянии

корабля и оценил, что же происходит.

Их ждало поражение — вот что происходило. Первый капитан еще

несколько секунд глядел на гололит,
определяя расстановку сил
в пустоте и прогнозируемые направления
атаки.

Какое-то мгновение он слушал крики
адмирала Юла, игнорируемого
командирами легиона, которых он
формально превосходил по
званию.

- Вызвать флот, - распорядился Севатар.

- Канал открыт, капитан, - отозвался
один из вокс-офицеров, перекрикивая стон
согрозующегося корпуса.

- Севатар флоту. Братья и сестры, буду
говорить прямо. Я не собираюсь дважды за
месяц проигрывать этим обманутым,
ханжеским сучьим детям, одетым в
рванину. Сконцентрировать весь огонь на
«Неоспоритом говоге». Они изувечили
нашего

примарха. Давайте оплатим им тел
же. Мне нужно, чтобы для атаки осталось
хотя бы пятьдесят кораблей.

- Севатар, - протрещал исковерканный

помехами голос, -- это самоубийство.

На холодных губах Севатара заиграла его ложная улыбка.

- Как я понимаю, Крукеш, на твою поддержку в нападении рассчитывать не приходится?

- Исключено.

- Я надеялся, что ты так скажешь, брат. Это избавляет меня от необходимости приказывать тебе бежать. Вери свои роты и скройся

в черноте. Встретился у Торуса, оттуда отправится к Терре.

- Мы будем ждать, Сев. Удачи тебе.

Севатар снова переключился на общий канал.

- Вар Джахан, Нарака, Офион, Товак -- отправляйтесь с ним или разделяйтесь, как хотите.

Двое из перечисленных капитанов-рукокрылых отозвались утвердительно. Огин вообще не ответил. Напрямую отказался только

Офион.

- Я останусь, - передал он. - Буду сражаться рядом с тобой, Севатар.

- Мне нужно только пятьдесят кораблей. Руккрылы должны уходить.

С командных палуб других кораблей раздавалось хоровое «да, сэр» и «есть, капитан». Вызывалось остаться больше половины

флота. Это была не демонстративная отвага Ультрадесанта и не твердая дисциплина Имперских Кулаков, однако к этому нельзя

было относиться с пренебрежением. Севатар отмечал мерцающие золотом идентификационные руны кораблей, которые решали

остаться и прикрыть отход.

От одной из них у него по коже поползли мурашки.

- Вар Джахан, - произнес Первый капитан.

- Брат? - протрещал ответ.

- Я приказал Руккрылым бежать. Нельзя рисковать припархом в сражении. Выходи из боя вместе с рассеивающимся флотом.

Севатар ждал от ветерана пререканий или, возможно, очередной порции брюзжания насчет полномочий.

- Севатар. Там... лорд Керз шевелится.

- Он в сознании? Может встать? Может сражаться?

- Нет.

- Тогда это ничего не меняет. Переглаголом отправь Валзена обратно на «Сутрак». Я доверяю пристопу за лордом Керзом твоим

апотекариям. Мой нужен мне здесь.

- Будет сделано. Доброй охоты, Севатар.

Севатар снова бросил взгляд на гололит, на множество кораблей, как своих, так и вражеских.

- Адмирал Юл, - сказал он вслух.

- Первый капитан? -- пришел ответ по воксу.

- В чем конкретно состоит ваш план?

Адмирал объяснил свой замысел. Севатар молча выслушал его и в конце кивнул.

- Мне это нравится, - произнес он. -- Скорее

Всего, этот маневр назовут в вашу честь, так что будет надеяться, что он сработает.

Никому не хочется, чтобы его имя оказалось связано с нелепой катастрофой.

...

Флот VJJJ Легиона разделялся. Это был неторопливый танец, в равной мере сочетающий в себе упорство и эгоизм. «Сулрак»

выдвинулся перед «Клинком в черноте», возглавив армаду, идущую на перехват боевых кораблей Темных Ангелов.

Остальные корабли Легиона развернулись и начали отступать. Некоторые упорядоченно отходили к точке перехода ближе к центру

системы. Другие же одиноко тчались в пустоте, угаляясь в направлении, известном только их капитанам.

Севатар отвел взгляд от картины рассеивания, подавляя внезапное и странное ощущение грусти. Возможно, VJJJ Легион последний

раз собирался в таком объеме. Удея имела смысл с точки зрения тактики, но капитан не мог удержаться от секундного сожаления.

«Сутрак» загрохотал, содрогаясь от напряжения двигателей.

- Время до атаки? -- поинтересовался Севатар, усаживаясь на костяной командный трон лорда Керза.

- Шесть минут и двенадцать секунд. Первый капитан. Десять. Девять...

- Запустить истребители.

- Запуск истребителей, - не мигая, отозвался бесцветным голосом ближайший сервитор.

- Очень хорошо. Открыть канал связи с командиром крыла Каренной.

...

Костический истребитель модели «Гнев» напомунал гладкую акулу, пережиток тех времен, когда гении вдохновлялись зверями древних морей Терры и вытершими обитателями ее загрязненного неба. Он был окрашен в цвета Легиона, изящный

корпус

покрывали полосы молний.

В сущности, «Гнев» был устаревшей моделью. Он изначально было достаточно редким типом, и в имперских флотах его быстро

заменили массово производимой «Яростью». Говорили, что у «Ярости» лучше характер. Она плавнее слушалась управления,

меньше дергалась. «Ярости» олицетворяли собой будущее, современное лицо войны в пустоте. Никаких соперников.

Никаких

ограничений на вариации в разных субсекторах. Никаких проблем в работе, которыми так грешили предыдущие модели.

И никакой души. Это не подходило Тайе.

Полет был для нее не просто стерильным взаимодействием с заводскими образцами машин. Она в любую ночь могла обогнать и

побить «Ярость» на своем медленном и

старом «Гнев», что уже проделывала достаточное количество раз.

Как только взвыли сирены, Тайе помчалась на сборы, с обычной нетерпеливостью проходя ритуал облачения. Она застегнула и загерметизировала противоперегрузочный костюм, тираясь с проводимой сервиторамии проверкой и перепроверкой дублирующих систем жизнеобеспечения и разъемов позвоночного интерфейса.

- Кто на пятой очереди? - спросил Венсент, ее стрелок.

- «Пепельный маскарад». Они уже будут в пустоте, - короткие черные волосы Тайе избавляли ее от лишних проблем. Она взяла

протянутый сервитором летный шлем и буквально уронила его себе на голову, уже подтягивая маску респиратора и готовясь зафиксировать ее.

- Поторопитесь, - бросила она.

Венсент переглянулся с наблюдателем Кивеном, который одевался так же

медленно.

- Награда достается неторопливым и спокойным, - отозвался Венсент.

- Неторопливым и спокойным достается все дерьмо и больше ничего. Быстрее.

- Позвоночное подключение, - пробубнил сервитор, - оптимальный функционал.

Лоботомированный раб извлек из позвоночника Тайе соединительные стержни. Как всегда, она дернулась. Меньше чем через

минуту они уже неслись вместе с остальными членами крыла, разбегаясь по палубе к ожидающим истребителям.

Вой сирен наверху практически тонул в нарастающем визге пусковых ускорителей и воплях нескольких сотен членов палубной команды. Быстрый взлет крыла истребителей требовал последовательной координации действий, а «Сутраку» нужно было

одновременно поднять сразу несколько эскадрилий.

Палубный контролер был лысеющим,

похожим на скелет, человеком, в котором
после четырех десятилетий службы
аугметики

было больше, чем плоти. Он приблизился,
глухо стуча тонкой бионической ногой.

- Командир крыла, - поприветствовал он,
уже зная, о чем она собирается спросить. --
«Сэвио» и «Этүс» еще не могут подняться.
«Релинкво» готов к вылету в пустоту.

Она ухмыльнулась, хлопнула по
нагромождению механизмов, которое
заменило ему плечо, и снова побежала.

Двадцать два из

двадцати четырех ее истребителей вот-
вот должны были взлететь. «Сойдет, -
подумала она. - Вполне сойдет».

Тайе первой взобралась по лестнице,
грохнулась на фиксирующее кресло и
приложила позвоночные разъемы к портам
интерфейса в спинке. Дважды постучав по
борту на удачу, она устроилась поудобнее.
Подключение сопровождалось несколькими
тихими щелчками, когда иглы входили в
спинной хребет.

- Я на месте, - произнесла Тайе. Не дожидаясь остальных, она начала щелкать переключателями и тянуть за рычаги. «Гнев»

загрожал, снова начиная дышать.

Кивен крикнул, пристегиваясь к своему креслу, спиной к ней.

- На месте, - сказал он, и Тайе услышала писк и пульсацию включающихся систем, опознавших заложенный в кресло биометрический отпечаток. Затем раздался треск удара кулаком в перчатке по дисплею ауспика дальнего радиуса.

- Вот хренова штука, - проворчал наблюдатель. -- Они же говорили, что, наконец, ее починили.

Тайе ухмыльнулась и промолчала. Венсент забирался в свое кресло под ней, занимая место в носу истребителя. По количеству

мониторов и рычагов перед собой он мог поспорить с Кивеном и значительно опережал ее саму. Она увидела, как стрелок

откинулся назад и напрягся, подключаясь.

- На месте, - выдохнул он и потянулся вперед, сжав управляющие рукоятки.

Палубные слуги опустили тонированный фонарь кабины, захлопнув его на финальной стадии подготовки. Она услышала, как Кивен

постучал костяшками пальцев по корпусу, и Венсент проделал то же самое.

- Говорит командир крыла Каренна, - произнесла она в респираторную маску. - «Веспера» готова к запуску.

Платформа подъемника сильно затряслась и начала мучительно медленно разворачивать их в нужное положение.

- Тайе, - раскатился в воксе кабины низкий и спокойный голос.

- Первый капитан.

- Тактические данные уже загружаются, но мне нужно, особенно обратить твое внимание на одно обстоятельство поскольку я

предпочел бы, чтобы ты пережила

следующий час.

- Каким, сэр?

- Просто будь готова к экстренной посадке, командир крыла. Позаботься, чтобы ведущие эскадрильи тоже узнали об этом. План

адмирала Юла потребует определенной скорости реакции от всех, кто будет находиться вне основных крейсеров.

- Благодарю за предупреждение, сэр.

Севатар не ответил. Связь уже отключилась.

- Я ему нравлюсь, - сказала Тайе, когда их подняли в нужное положение. По обе стороны загорелись палубные огни.

Устремитель

согрознулся, занимая исходное положение.

- Мы зафиксированы, - произнес Кивен. -- Готовы. Цилиндры со сжатым воздухом в оптимальном состоянии, катапультная заряжена.

Все показатели ускорения работают без сбоев, -- он на мгновение сделал паузу, а затем нарушил относительную тишину

кабины

приглушенным замечанием. -- Не ты. Мы
все ему нравился.

- Ему никто не нравится, - бросил
Венсент через плечо. -- Он перед нами в
долгу, и ты для него полезны. Это совсем
другое дело.

...

Севатар наблюдал за приближающейся
армадой. Та была еще слишком далеко для
визуального контакта, однако ярко с
ветилась

на тактическом гололите. Все корабли
флота обменивались векторами контроля
огня, которые обновлялись каждые
несколько

секунд и передавались кораблям
сопровождения, а также эскадрильям
истребителей. Флот начал ускоряться
навстречу Темным

Ангелам. Те еще были рассредоточены, но
Первый капитан видел, что строй
начинает смыкаться.

Нужно было выиграть больше времени.

Если Темных Ангелов не заметить, они за считанные минуты нагонят отступающий флот.

А еще его продолжала тревожить одна из рун на дисплее. Проблема состояла не в численном соотношении восемь к одному.

Если

план Юла сработает, они нанесут максимальный ущерб с минимальными потерями. А если не сработает, то большая часть флота

VIII Легиона в любом случае уже давно скроется. Стоило на досуге поразмыслить, каким образом Льву удалось перебросить всю

свою армаду с такой несравненной сплоченностью, однако в настоящий момент Севатар едва ли мог разобраться с этим вопросом.

Нет, проблема состояла в одной единственной руне -- одном из его кораблей -- которая продолжала маячить на прозрачном

дисплее, в то время как остальные

отступающие боевые корабли исчезали, входя в варп и уносясь на свободу. Сперва рүна шла в

одном строю с уходящими кораблями. Затем остановилась. Она замерла в пространстве, окруженная

вспомогательными фрегатами и истребителями сопровождения.

Севатар обернулся к магистру вокса, поэтому в темное облачение слуги Легиона.

- Вызвать их, - произнес он, указав на мерцающую рүну.

Раб застучал по консоли, механические пальцы расплылись в движении.

- Усполнено, сир.

- Говорит «Сутрак». «Свежеватель», доложите. Почему отключили двигатели?

Секунды тикали.

- Ответа нет, сир, - сказал магистр вокса.

- Благодарю, - презрительно улыбнулся Севатар. - Это я и сам заметил. Варп

Джахан, ты меня слышишь?

В ответ вновь последовала тишина. Севатар провел большим пальцем по горлу, приказывая завершить связь. У него было

ощущение, что он знает причину остановки «Свежевателя», и она была не из приятных.

В стратегиуме «Сутрака», неся службу, суетились рабы, слуги и сервиторы. Их кожа воняла потом, указывая на волнение.

Напряжение было физически ощутимо, Севатар практически мог почувствовать его вкус. Выучка и знания защищали людей от

страха, который вызвал бы у Первого капитана пощипывание на языке, однако их дыхание все же было кислым от тревоги.

Звук

сотни сердец и хромированных заменителей с часовым механизмом, имитировавших жизненно-важные органы, сливались

практически в оперу .

- Время до входа в зону поражения орудий?

- Двадцать девять секунд, капитан.

- Всем постам, приготовиться к обстрелу. Бейте по всем кораблям, мимо которых мы будем проходить, но главная цель - флагман.

Я хочу, чтобы, когда мы окажемся возле «Неоспоритого довода», на него было нацелено все. Все. Уничтожьте его, и мы сможем

покинуть Тратас с высоко поднятыми головами.

...

Движимые отчаянной жестокостью, обе стороны игнорировали все условности ведения войн в пустоте. «Сутрак» и «Неоспоритый

довод» рассекали пространство, приближаясь друг к другу и не используя свой потенциал дальнобойных батарей ради того, чтобы

разбить соперника лицом к лицу. Обычно имперские сражения в пустоте велись на дистанциях, от которых захватывало дух, и

математика с логистикой были столь же жизненно важны, как и инстинкты капитана.

«Сутрак» проложил себе дорогу через флот противника. Под огнем щиты засияли кружащимся радужным светом.

Корабль

протчался мимо «Звезды Первого Легиона», раскидал сопровождение крейсера и пробился сквозь строй конвойных кораблей,

ворвавшись в центр вражеской флотилии.

Боевые корабли VII Легиона с ревом рванулись следом, устремившись в прореху во

вражеских порядках, которую проделал истранный и гибнущий флагман.

Ярость убила всякую необходимость в изяществе и здравомыслии. Два флагмана

— огни из самых крупных и тяжеловооруженных

творений коллективного человеческого гения — сближались, не обращая внимания на корабли поддержки.

Севатар наблюдал за множеством экранов оккулуса, на каждом из которых светилось изображение утирающих во траке кораблей.

Черная сталь разламывалась на куски, прозрачное пламя исчезало в пустоте. Ностралцы по всему мостику вздрогнули и зажмурили свои чувствительные глаза, когда на одном из экранов «Тенебор» погиб под огнем орудий семи крейсеров Темных Ангелов. Остатки носовой части, из которой все еще сыпались обломки и экипаж, пронзили корму «Символа гордости»,

воспламенив варп-двигатели и полностью уничтожив корабль Ангелов во вспышке грязного свечения, вызывавшего головную боль.

Пятьдесят кораблей Повелителей Ночи бросились точно напрямую, не сворачивая и не уклоняясь. Крейсера Темных Ангелов делали виражи и маневрировали, чтобы избежать столкновений. Тяжелые боевые корабли разворачивались с тяжеловесным

изяществом, менее крупные эстинцы безвидных усилий ускорались, чтобы уйти в сторону.

Севатар не переставал вздрагивать, ссылаясь сконцентрироваться на вспышках, сопровождающих гибель каждого из кораблей, или

даже на лучительно-ярких полосах массированного огня лэнсов. Пустоту вокруг строя VJJJ Легиона обжигала пылающая ярость

трехсот огневых расчетов. Под обстрелом Первого Легиона исчезал корабль за кораблем. Их корпуса были испещрены попаданиями лазерных батарей и распороты лэнсами.

Над сотрясающейся палубой заскрежетал голос, выдохнувший единственное слово: «Сулрак». Возможно, там было и что-то еще, но все поглотили помехи.

Севатар узнал голос. Он бросил взгляд на нужный экран и увидел, как окруженный и обездвиженный «Клинок в черноте» гибнет под

натиском эстинцев Темных Ангелов.

«Нам понадобится новый адмирал флота»,
с ухмылкой подумал Первый капитан. В
угрожающей близости от левой скулы

«Сутрака» прошел очередной корабль,
принадлежавший Темным Ангелам.

Дистанция была настолько мала, что на
корабль

обрушилась ударная волна, а несколько
экранов оккюлуса заполнились помехами.

Свет не просто обжигал глаза. Едкая боль
плясала по нервам внутри черепа,
вспыхивая в переднем мозгу. Севатар
вытер рот

тыльной стороной перчатки. На красном
фоне внезапно пошедшая из носа кровь была
почти незаметной. Вот надо же, именно
сейчас. Как типично.

На основном оккюлусе разрасталась
громада «Неоспоритого говога»,
пылающего и покрытого рубцами от
лэнсов VJJJ Легиона.

Севатар почти что видел, как вокруг
вражеского флагмана, словно насекомые,

зудят эскадрильи его истребителей, которых было, как блох на грязной собаке.

- Как только мы окажемся на траверзе... - начал он и затолк.

- Капитан? - окликнул один из офицеров палубы.

Севатар выдохнул, неотрывно глядя на один из покрытых полехами экранов. Там возникло нечеткое изображение корабля, которому следовало находиться где угодно, но только не здесь.

- Это добром не кончится, - произнес Севатар, не обращаясь ни к кому конкретно.

...

- Уходи! - крикнул Кивен.

- Еще пару секунд, - прошипела Тайе. Она выстрелила, выпустив из подвесных лазпушек поток энергии, который рассеял крыло

«Ярости».

- Уходи! - снова заорал Кивен.

Тайе рванула рычаги управления, входя в штопор. Двигатели «Весперы» издали

законий рев, истребитель силится
выполнить

приказ. Мимо хлестнул лазерный огонь.
Он прошел так близко, что у Тайе перед
глазами заплясали пятна.

Он продолжает приближаться,
окликнул ее Кивен.

Тайе выдохнула в респиратор ностратское
ругательство и вышла из пике слишком
жестко и быстро, заложив резкую дугу
вправо.

Компенсаторы инерции сработали с
такой силой, что все трое ударились
шлемами о края фиксирующих кресел.

И тут она увидела «Свежеватель».
Испытывая головокружение и ощущая на
языке привкус крови, она бросила все силы
на то, чтобы уйти от приближающегося
вала темного железа.

Боевой корабль протчался мимо. Он был
так велик и находился так близко, что
вызвал у нее дрожь и полностью заслонил
собой

остальную часть сражения. Несущийся

милто корпус с зубчатыми стенами был
объят пламенем. Стремительная схватка,
в которой

она участвовала, просто перестала
существовать. Корабль Повелителей Ночи,
не разбирая пути, лопнул сквозь
пространство. Он

был слишком громадным, чтобы его
заботили дела кружащих вокруг обшивки
стальных тух.

Наушник Тайе заполнили помехи, и она
потеряла связь с вегом. Командир ни
секунды не сомневалась, что его
истребитель

«Релинво» превратился в размазанное
пятно на колышущихся пустотных щитах
«Свежевателя». Раздавались голоса,
кричащие от

боли, ужаса и разочарования. Все они
требовали одного и того же ответа. Что
нам делать? Что нам делать? Что нам
делать?

Тайе было необходимо сплюнуть, однако
снять респиратор едва ли было

вариантом. Она сглотнула вонючую и
едкую слизь, в
которую превратилась слюна, и
откинулась на спинку кресла, вновь
переводя энергию со стабилизаторов на
двигатели.

- Проклятье, все, кто жив -- за мной.

Позади раздался напряженный голос
Кивена. Он говорил не в вокс-сеть.

- Мы только что потеряли половину
эскадрильи, и на моем ауспике видны
только четверо из «Маскарада».

- Но мы все еще здесь, - «Веспера» мягко
загрожала, когда Тайе снова набрала
скорость для атаки. Впереди разрастался
страшно

изуродованный «Сутрак», который
продолжал получать больше вражеского
огня, чем следовало. -- У нас все еще нужно
защищать
флагман.

...

«Свежеватель» не разбирал грузей и
врагов. Требования кораблей VJJJ Легиона

занять место в строю точно так же
оставались без

внимания, как и крейсера Темных
Ангелов, которые поливали его огнем.

Севатар наблюдал, как корабль
пролетает мимо, настолько израненный,
что держится на одной лишь злобе. По
траектории было

видно, что он даже не намеревается
протаранить один из вражеских кораблей.
Он просто... утирал. Неизящный затажной
рывок

через вражеский флот нарушил строй
VIII Легиона и приставил клинок к горлу
первого и последнего плана в пустотной
командирской карьере новоиспеченного
адмирала Юла.

Севатар вздохнул. Невзирая на
сотрясающую стратегиум угрозу, он
спокойно сел на трон приарха и подпер
щеку перчаткой. Какая
жалость. Хороший был план.

Он снова вытер с лица кровь, на сей раз с
подбородка и ниже уха. Как же это

нагело.

Вокс мостика с шипением ожил после нескольких неудачных попыток.

- Севатар, - произнес низкий искаженный голос, в котором не было никаких эмоций, лишь едва заметное вкрадчивое веселье.

- С возвращением, отец.

- Мы можем с этим покончить. Угел со мной.

- Дайте-ка, я угадаю, - отозвался Севатар.

- Вы собираетесь телепортироваться на «Неоспоримый довод», верно?

- Мне нужно закончить бой.

- Ну да, - сказал Севатар, потянувшись за алебардой. -- Конечно, нужно. И совсем неважно, что через несколько минут мы сможем

пробиться через арьергард Ангелов и прорваться в варп?

Перед ответом прошло несколько секунд. Ему предшествовали приглушенные вопли людей, утирающих на борту горящего корабля.

- Угел со мной. Бери Атраментаров.

Покончи с этим рядом со мной.

Севатар глянул на мостик со своего возвышения. Те офицеры и слуги, кто не был занят лихорадочным трудом на посту и не

валялся на палубе из-за контузии и кровопотери, смотрели на него, словно сбитые с толку слабоумные дворянки.

- Это приказ, сир? - спросил он, уже зная ответ и протягивая руку к шлему.

- Ты же знаешь, что да, - связь прервалась потоком полех.

- Вот поэтому-то имперцы всегда и выигрывают, - вслух заметил Севатар.

Они не путаются друг у друга под ногами.

Может, дисциплина и скучна, однако она, бесспорно, необходима на войне. Через какое время мы сможем запустить абордажные капсулы?

- Мы окажемся на траверзе «Неоспоритого довода» чуть меньше чем через десять минут.

Десять минут. Все Повелители Ночи на борту флагмана уже находились на боевых

постях, готовясь отбивать абордаж.

Атраментары в двух шагах от телепортационных камер, а те, что нет — недалеко от хотя бы одной пусковой секции абордажных капсул.

Севатар поднялся с трона, на мгновение бросил взгляд на глинный каскад ностратских рун, сообщавших о повреждениях, и вышел с мостика, отдав экипажу лишь одну последнюю команду.

— Меня какое-то время не будет, — сказал он. — Постарайтесь не угробить мой корабль.

ГЛАВА VJJJ

Нежеланная битва

...

Корабли шли пересекающимися курсами. Севатару не было нужды это видеть, он все понимал по характерной дрожи «Сутрака».

Палубы грели от огня лэнсов несколько иначе, чем при попадании снарядов и

обстреле лазерных батарей. Каждое
мучительное

содрогание ощущалось по-своему. Сейчас
это была скрежещущая вибрация от
массированных бортовых залпов,
врезающихся в

незащищенную сталь -- в пустотной войне
подобное было сродни сокращению
дистанции с добычей и удару ножом между
ребер.

Даже если бы им удалось выбраться,
«Сулраку» потребовалось бы провести
целую вечность в сухом доке. С тем же
успехом

можно было строить новый флагман.
Севатар подозревал, что его бы закончили
раньше, чем устранили бы повреждения на

старом. Он чувствовал запах умирающей
аппаратуры: химическую вонь горящих
кабелей и плавящегося металла. С верхних
и

нижних палуб доносились крики людей.

Первый капитан двигался по
содрогаящимся коридорам, погруженным в

обычный для кораблей VJJJ Легиона тракт.

Мимо проходили

члены экипажа, использовавшие
светильники и фотовизоры, чтобы видеть
в темноте. Они широко расступались,
освобождая ему

дорогу. Севатар не обращал на них
внимания. У него было странное ощущение,
что они его ненавидят, но он не был уверен
относительно причин этого чувства, и
никак не утруждался поинтересоваться.
Их ненависть или уважение в любом
случае ничего

не меняли в его жизни. Когда он хотел
повиновения, они повиновались. В
остальное же время торопливо убирались у
него с дороги, когда видели. Идеальный
расклад.

На бегу Севатар отдавал в вокс уверенную
чередую приказов, координируя в первую
очередь Атраментаров, а во вторую --
подчиненных капитанов. Из девяти рот,
находившихся на борту «Сутрака», он
собирался рискнуть только одной, своей

собственной. Атраментары шли с ним, а остальные, невзирая на протесты капитанов, оставались на борту «Сулрака» и отправлялись на Терру.

Севатар не питал иллюзий, будто они переживут этот шторм, и не желал тащить тысячи воинов на неизбежную и бесполезную смерть. Пусть живут во имя собственных целей, стремясь погибнуть с большим смыслом.

Он еще бежал, когда командиры отделений Атраментаров начали сообщать о телепортационных вспышках. Каждый доклад

завершался монотонным блеющим добавлением агента Механикута: «Процесс переноса завершен».

Корабль снова вздрогнул, на этот раз так сильно, что несколько членов экипажа упали с ног. Одна женщина в форме техника

раскрыла себе голову о палубу при

падения. Севатар, продолжая бежать, перепрыгнул через них, ощущая исходящий от ран запах крови.

Следующее сотрясение стало отголоском предыдущего. Скучное освещение «Сутрака» моргнуло и отключилось на несколько секунд. Это не имело значения: через глазные линзы все отображалось в монохромном охотничьем зрении, а он уже был почти что у ближайшей платформы переноса.

Раздавшийся звук заставил его застыть на месте. Это был натужный тоскливый визг сопротивляющегося металла — скорбная песнь

кита, раненого гарпунати охотников. Свет вновь отключился, и Первый капитан остался в привычном абсолютном мраке.

- Отказ реактора, - прогудел вокс. - Отказ реактора. Отказ реактора.

Сжав ценную глефу, Севатар снова побежал. Системы доспеха ответили на его запрос, автоматически открыв канал

связи с

мостиком.

- Доложить, - передал он по воксу.

- Мы без энергии, капитан, но движемся вперед по инерции. Половина орудий отключена. Ангары открыты. Основные и

второстепенные системы лэнсов утолкли.

Большая часть торпедных блоков не отвечает. Хребтовые укрепления

продолжают вести

огонь на резервных генераторах.

Жизнеобеспечение и искусственная

гравитация работают на запасах, но

пустотные щиты

полностью отключены.

- Навигация?

- Нет. Магистралы, ведущие к резервным источникам энергии, перебиты.

У Светара похолодела кровь. Во всяком случае, стала холоднее, чем обычно.

- Абордажные капсулы?

- Не запустятся, капитан.

- Телепортация?

- Не работает.

Севатар затормозил и остановился, втягивая воздух сквозь сжатые зубы. Он был единственным из Первой роты, кто оказался в

ловушке на подбитом флагмане. Остальные уже находились на борту «Неоспоритого довода», сражаясь за свою жизнь и убивая

Темных Ангелов рядом с примархом.

- Я их не брошу, - прошептал он.

- Капитан? Что...

Севатар оборвал канал связи с мостиком и снова побежал. Теперь он спускался вглубь корабля, двигаясь через заваленные обломками коридоры и проносясь по залам, заполненным огнем и дымом. Куда бы он ни посмотрел, везде лежали мертвые члены экипажа.

- Тайе, - произнес Севатар в вокс. - Тайе, слушай меня.

...

- Вот он.

- Вижу его, - Тайе промчалась между гвух
шпилей на хребте «Сутрака», приближаясь
к «Корсару», которого преследовала. Внизу
мелькали стены с бойницами, но она не
рискнула выстрелить. На пылающую
корму флагмана и так обрушивалось
много огня, и она

не собиралась углублять дело неточным
залпом лазпушек.

Все это время на дисплее ее шлема
пульсировала искривленная ностралская
руна, обозначающая «Пусто». Нужно было
сесть и

перезарядиться. Ракетные блоки
«Весперы» опустели меньше чем через
минуту после того, как истребитель
вырвался с ангарной
палубы.

- Пусть уходит, - предостерег Кивен.

- Исключено, - она ускорила погоню,
пролетев между очередной парой
бронированных шпилей. - Мы его почти
сделали.

«Корсар» был уродливой толстозадой

незначительные повреждения обшивке
«Неоспоримого говога».

Тайе рискнула бросить взгляд вверх и
увидела матово-черный корпус вражеского
флагмана, заполнивший собой всю крышу
кабины. Никакая тренировка не могла
предотвратить тиз дезориентации. Тайе
торгнула и снова сконцентрировалась на
несущейся

впереди добыче.

- Плазменные бомбы, - крикнул Венсент.
Тайе видела, как боезапас
бомбардировщика посыпался вниз, и вдоль
хребта «Сутрака»

начали вспухать взрывы. «Веспера»
поднялась, она была почти над
«Корсаром», но ей все еще приходилось
уворачиваться от

очередей лазерных лучей, лихорадочно
выпускаемых экипажем бомбардировщика.

- Сбей его!

Венсент выстрелил, резанув сверху вниз, и
рассек «Корсар» посередине. Передняя
половина с горбатыми крыльями

завалилась на

один из двух Пилонов Травия, разрушив дистанционно управляемые зенитные установки на стенах шпиля. Громоздки двигатели

бомбардировщика слепо вильнули вбок и завертелись, удаляясь в пустоту.

- Нас атакуют, - передал по воксу Кивен. --
Еще одна «Ярость» преследует нас вдоль хребта. Сдается мне, их взбесило, что мы уничтожили восемь «Корсаров».

- Я могу оторваться.

- Отдаляйся от проклятого корабля. Нам нужно уходить.

Она не стала утруждать себя ответом. Щиты «Сутрака» отключились, и вокруг него с навязчивостью паразитов гудели

бомбардировщики, которые выплевывали плазменные бомбы в уязвимые точки флагамена. Она не собиралась нигуда уходить.

- Тайе, - протрещал вокс. Голос был искажен звуком сирен на заднем плане. --
Тайе, слушай меня.

- Первый капитан?

Севатар повторил ее имя, а затем отдал приказ, который она не поняла.

- Я... я не... прошу вас, повторите распоряжение, сэр.

- Я сказал: «Сажай истребитель». Немедленно.

...

Севатар ждал их. Его доспех был покрыт полосами погналин, в руке воин держал свою ценную злефу. Он был островком спокойствия в сердце бури. В ангаре вокруг него гремел и буйствовал хаос. Слуги тушили пламя, с потолка падали обломки, мерцающие янтарные огни предупреждали об угрозе разгерметизации.

Первый капитан наблюдал за быстрым приближением «Гнева». Большая часть окраски корпуса выгорела, и обнажился нижний

серо-стальной слой. Машину обограла грохочущая мелкая обломки, которых всегда полно в космосе между сражающимися

боевыми кораблями.

«Веспера». Да, это была она.

Истребитель включил тормозные двигатели, расположенные под крыльями и возле носовых лапшек. В ангаре раздался визг

выходящей тяги, который был более резким, чем крик кондора. У Севатара дернулся левый глаз, пока слуховые сенсоры шлема не

компенсировали звук

Тайе не стала использовать посадочную полосу. Она погасила ускорение последовательными импульсами тормозных двигателей и

опустила истребитель по узкой спирали. Как только посадочные захваты с хрустом коснулись палубы, Севатар пришел в движение.

Он подпрыгнул, ухватился за край одного из зализанных крыльев в виде акульего плавника и подтянулся на одной руке.

- Вперед, -- передал он по воксу.

Ответа не последовало. Он бросил взгляд

на кабину и обнаружил, что Кивен
расширенными глазами глядит на него с
обращенного

назад кресла, а Тайе ссутулилась и
изогнулась на своем месте, пытаясь
увидеть, что происходит. Он слышал в
воксе их дыхание.

- Вы... вы же это не всерьез, - тихо
произнесла она.

Севатар прошел по верхней части
истребителя и притагнул свои
погошвы к телной обшивке «Гнева» в
нескольких метрах от

кабины. Он покачал головой при виде
идиотского ошеломленного выражения на
лице наблюдателя.

- Я сказал: «Вперед».

Первый капитан низко присел и трижды
ударил, проделав в корпусе истребителя
глубокую вмятину, как раз, чтобы за ее
край

можно было уцепиться. Он держал свою
алебарду за спиной, отведя ее в сторону по
диагонали.

Устремитель загудел у него под ногами, вновь оживая.

- Севатар, это безумие.

Он закатил черные глаза по ту сторону красных линз. Как же утомляло слышать это снова и снова. Порой он загал, неужели для

других людей «голз» - всего лишь слово, значения которого они никогда толком не понимали.

Устремитель медленно поднялся без пусковой катапульты, скользя с палубы в сторону широкого зева, ведущего в пустоту. Мимо

проплывали зубчатые стены затков вражеского флагмана. Они были тучительно близко, но в то же время невероятно далеко.

- Доставь меня на «Неоспоримый довод», - сказал он в вокс. - Мои люди сражаются на его борту, а я скорее умру, чем отправлю их

на битву, в которой сам не приму участие.

Он слышал в голосе Тайе устешку, прорывающуюся через ошеломление.

- Вы слишком серьезно воспринимаете эту братскую клятву Первой роты, произнесла она.

Севатар не ответил. Он был Амраментаром. Его братья были Амраментарами. Говорить было не о чем.

...

Следующие три минуты Кивен смотрел на присевшую фигуру Первого капитана VJJJ Легиона, находившегося на расстоянии

считанных метров. Увенчанный гребнем шлем Севатара застыл устреленным вперед, лицевой щиток с нарисованным черепом

неотрывно глядел на боевой корабль Темных Ангелов. Кивен не переставал гадать, какое выражение на лице по ту сторону

раскосых красных линз.

Что касается Тайе, она выжимала из «Весперы» все возможное, разогревая

двигатели до опасной температуры и не
вступая ни с

кем в бой. Она описывала спирали и
петли, отрываясь от всех черных
«Яростей», которые пытались взять ее на
прицел. Ей было

очень хорошо известно о перегрузке,
которую придется пережить «пассажиру»,
но необходимо было поддерживать пламя
двигателей для максимальной
маневренности.

Приблизившись к «Неоспоритому доводу»,
Тайе повернула и пошла вдоль корнуса на
бреющем полете, виляя между башнями с
бойницами.

- Где вам нужно оказаться?

- Рядом с мостиком, - в голосе Севатара,
звучащем в воксе, было не больше тепла,
чем в заунывном волчьем вое.

Приблизиться к мостику означало
попасть в зону поражения более чем сотни
защитных турелей. Тайе тихо выругалась.

- Следи за языком, командир крыла.

Она прибавила тяги и переключилась на

общий канал эскадрильи.

- «Перитус» и «Электус», построиться
крылом.

- Принято, командир.

- Выполняю, мэм.

Тайе нырнула к корпусу, оказавшись так
близко, что лишилась бы крыла, если бы
повернула. Биение сердца загавало ей
ритм, когда она бросилась в самую
гүрацкүю атаку за всю свою военную
службу

ГЛАВА IX

Принц воронья

...

Приходилось признаться, пусть даже
только самому себе, что это была одна из
самых глупых его идей. Никакие
биологические

улучшения и даже самый совершенный
комплект силовой брони типа «Максимус»
не могли защитить его от давления

гравитационных сил. Впервые более чем
за сто лет он почувствовал тошноту, и
было настолько необычно, что он

ухмыльнулся.

Однако давление на череп и конечности было менее забавным. Надетые на Тайе и ее экипаже летные костюмы с датчикосенсорной

проволокой имели некоторое общее сходство с одним из слоев его керамитового доспеха, однако это не избавляло от физического

воздействия. Он освежал бесчисленное количество людей, а также воинов из пяти разных Легионов, включая собственный, и подозревал, что в плане боли это было довольно близко к ощущению сил инерции, грозящих разорвать кости.

Мощные лучи лазюшек раздирали ему зрение. Каждый из них был словно быстрое копье, не поддающееся попыткам глазных линз

потускнеть и противодействовать яркости. Под ним раскачивался и болтался истребитель Тайе. Он чувствовал, что она изо всех

сил старается добиться от «Гнева»

эффективности, не стравнѣв пассажира и не убив его резким маневром. И все же когда с обеих

сторон стали проноситься черные башни, а зубчатые стены внизу превратились в размытую тошнотворную полосу, он почти что

проклял идею за поспешность.

Но с другой стороны, тогда бы он признал, что ошибся. От этой мысли Севатар фыркнул. «Сейчас это неуместно».

Тайе снова сделала бочку, и звезды закувыркались по небу. Единственной уступкой, которую Севатар сделал идее о безумии

плана, стало ворчание, когда у него заболела голова от острого головокружения. Это тоже оказалось непривычным. За прошедшие

десятилетия генетические имплантаты сделали его практически невосприимчивым к дезориентации.

Первый капитан почувствовал, как Тайе снижает скорость, крутясь и закладывая

выражи, чтобы уйти от огненной бури,
испускаемой

турелями внизу. Он знал, что ей не
удастся полностью остановиться, но ему
было более чем достаточно, чтобы она
просто

замедлилась и снизила инерцию. Лучше
получить несколько ушибов и переломов,
чем оказаться размазанным по броне

«Неоспоримого говога».

Однако она по дуге понесла его через
хребтовые замки, вдоль скулы, и тут
Севатар, наконец, понял, что она делает.

- Это еще глупее, чем моя идея, - произнес
он в вокс.

Голос Тайе звучал натянуто и
напряженно, ее внимание было устремлено
куда угодно, но только не на него.

- Если сделать по вашему, вас размажет
по всему корпусу. А если по моему, то у вас
будет возможность поиграть в героя.

...

Устребитель вплыл в посадочный ангар,
топыхая тормозными двигателями, чтобы

замедлится. Бригады сервиторов тут же
вытянулись, следя за приближением
машины мертвыми глазами и
перенастраивающимися линзами. Вместо
краски корпус

покрывали погнаины, знаки различия
также выгорели до поблекшего и
неразборчивого состояния.

Ближайшим офицером по снабжению был
человек по имени Халлес Кореви. Он уже
направлял загрузочную бригаду на

перевооружение этого новоприбывшего из
бесконечной цепочки сагающихся и
вылетающих истребителей, когда тот
крутанулся наг

налубой и разнес его в клочья залпом
ревущей синей энергии из лазпушек.

Корабельные стрелковые команды
открыли огонь по

медленно движущемуся «Гневу», охрана
опустошала свои крупнокалиберные
картечницы, у которых практически не
было шансов

поразить движущуюся цель.

На крыше истребителя поднялась закопанная в броню фигура, державшая в одной руке болтер, а в другой — алебарду.

Воин

побежал по стреловидному крылу и начал стрелять. Четыре болта разорвались в грудных клетках четверых охранников, осыпав их

товарищей внутренностями. Огонь картечи продолжал лязгать о полуполночно-синий кератит, оставляя на темной броне ничтожные

серебристые царапины. Воин добрался до края крыла и прыгнул вниз.

Двигатели истребителя завизжали громче, заработав в тот же миг, как только подошвы оторвались от крыла.

Машина скрылась во

вспышке выброса, оставляя за собой грохот и щелочную вонь лазерных разрядов.

Фигура тяжело приземлилась, присев и оставив сапогами две вмятины на железной палубе. Венчающий алебарду метровый

ценной клинок начал перемалывать
холодный воздух ангара. К чести
охранников, они попрятались за укрытия и
продолжили

стрелять, хотя их никогда не учили
противостоять воину Легионес Астармес.

Севатар дважды дернулся, вздрогнув, когда
по броне загремела разлетающаяся
картечь. «Вот же назойливые ублюдки».

Повсюду

перед глазами тянулись и терцали
предупреждения ретинального дисплея.

Авточувства доспеха не переставали
тянуть левую

руку, пытаясь поднять болтер и открыть
огонь по людям за укрытием. Севатар
пристегнул оружие к бедру, поднялся с
колен и в тот

же миг побежал — не к смертным, а к
открытым массивным дверям, ведущим
вглубь корабля. Было почти невозможно
подавить

соблазн потратить чуть больше времени
и порезать всех на куски.

- Вы останетесь в живых, - прорычал он, не обращая внимания на продолжающийся обстрел. - У меня есть добыча покрупнее.

Вырвавшись в освещенные аварийными огнями коридоры, которые пустотельными венатами пронизывали «Неоспоримый довод», он

настроился на вокс-сеть Первой роты, доступу к которой больше не мешало расстояние.

- Да ты, - поприветствовал он на бегу.

- Где ты был, черт тебя деру? - огрызнулся первый голос. К нему присоединилось несколько других, столь же возмущенных.

- Вы даже не представляете, - отозвался Севатар. - Где примарх?

- Сражается в пят...

Севатар протаранил плечом толпу рабочих в черной одежде, спотыкаясь о перепутавшиеся конечности и ненамеренно круша

сапогами кости. Поднявшись через мгновение, и снова перейдя на бег, он

вырвался в вокс.

- Повтори, - сказал он. -- У меня на пути попались какие-то идиоты.

- Примарх сражается в пятнадцатом атриуме, - ответил Валзен. - С ним половина наших.

Пятнадцатый атриум. Севатар знал линкоры СШК типа «Глориана» так же хорошо, как собственный доспех. «Сутрак» был из той же породы.

- Это безумие, - сказал он. -- Вас окружают все живые Темные Ангелы на этом корабле. Там некуда бежать.

Ответ Валзена прервался раздавшимся в воксе воплем и стучащим скрежетом медицинской пилы, делающей то, с чем она справлялась лучше всего.

- Мы в курсе, сэр.

- Я буду там через семь минут, - пообещал Севатар. -- Через восемь, если встречу сопротивление. Через девять, если у сопротивления окажутся болтеры.

У сопротивления оказались болтеры.

Осада вражеского корабля всегда представляла собой сочетание противоположностей. Проходя коридор за коридором и

помещение за помещением, нападающий мог полчаса не встречать врагов, если не считать растерянных слуг и рабов. А сразу же

после этого потратить столько же времени, отвоевывая каждый шаг (очень сомнительное выражение) и убивая одно отделение

укрепившихся защитников за другим. Линкор типа «Глориана» был размером с тесный город, и его населяли не только офицеры и

специалисты, но и каста рабов, исчислявшаяся десятками тысяч. Большинству из них было суждено жить в лишенных света недрах

боевого корабля, дыша слабым вентилируемым воздухом и выбрасывая топик, однако хватало и тех, кто нес

службу на верхних
палубах.

Севатар прорубался через них,
практически не сбиваясь с шага. Цепная
злефа стучала и работала с перебоем,
забившись мясом

уже через считанные минуты. Те люди,
кто оказался слишком стелым или глупым
для бегства, встретили смерть в
жужжании

потрошащих их механических зубьев,
оставаясь позади разорванными на куски
или же изуродованными и брошенными.

На борт телепортировалась сотня
лучших воинов VIII Легиона в полной
терминаторской экипировке. Оставшийся
за ними след

опустошения был почти забавен в своей
предельной жестокости. На нескольких
палубах у Севатара под ногами хлюпало
неглубокое болото из крови и порубленного
человеческого мяса.

Однако Темные Ангелы не были
побеждены. Даже близко не были.

Атраментары зачищали палубы, но со всех остальных частей

корабля прибывали подкрепления, которые пробивались к стратегипуту, чтобы защитить своего примарха. «Вряд ли он нуждается в

защите», - подумал Севатар. Во всяком случае, если судить по их последней встрече.

Он уже убил семерых Темных Ангелов. Один из них окончил свою жизнь как трофей, и шлем воина теперь был пристегнут цепью к

поясу Севатара. Для врагов VJII Легиона не существовало более высокой чести. Оставляя такие вещи на память, Повелители Ночи

выказывали уважение к павшим противникам.

На следующем перекрестке держали оборону три Темных Ангела в белых табаргах, накинутых поверх доспехов черного

геральдического цвета. В руках

легионеров дергались болтеры. Севатар присел за представляющим условное убежище углом, перезаряжая собственное оружие. Он скривил губы, с хрустом загнавив на место последний магазин. Их можно было бы легко

перебить вблизи, но взять в руки болтер означало уравнивать шансы, чего Первый капитан никогда не любил. Он не лгал, говоря

Трезву, что до мозга костей принадлежит к Восьмому Легиону. Как и его братья, он никогда не стремился к честному бою. Это было

забавно, однако едва ли могло сравниться с преследованием добычи. Но крайней мере в этом Севатар был создан по образу своего притарха.

Он рискнул бросить взгляд за угол и отдернулся назад, когда возле лицевого щитка сдетонировал заряд, осыпавший его осколками.

- Это Севатар, - услышал он крики. - Первый капитан. Я его видел.

Он ухмыльнулся, представив создаваемый успехом силуэт с возвышающимися над плечом крыльями из темного железа.

«Проклятый гребень», - подумалось ему. Но ему враги постоянно его узнавали.

Стрельба столкла. Он услышал сгавленное рычание и лязгающий грохот ударов оружия о кератит. Выскочив из укрытия,

Повелитель Ночи сорвался на бег и присоединился к схватке.

Первым чуть не погиб Аластор Рушаль, закованный в такие же черные доспехи, какие были на Темных Ангелах, которых он убивал.

На ретинальном дисплее Севатара ярко вспыхнула ностратская рюна «Угроза», фиксируя доспех Гвардейца Ворона и крутящийся

в его руках грохочущий метеорный молот. Первый капитан развернулся и вонзил свою глефу в спину последнего из Ангелов, дав

поработать голодным зубьям. Он прикончил поверженного воина, обрушив подошву на горло противника.

Он не обращал внимания на разукрашившую доспех кровь, равно как и на лежащие под ногами тела воинов. Один из них протянул

ослабевшую руку, бессильно царапая пальцами сапоги Севатара. Тот вытащил болтер и выстрелил вниз, даже не угосужившись посмотреть в ту сторону.

- Ты не поверишь, как я тут оказался, - заявил он Рущалю.

Ворон не ответил. После Уствана V он вообще ни на что не отвечал. Сложно разговаривать без языка.

...

Когда он приблизился, вокс-сеть захлебнулась мешаниной воплей. Десятки лет восприятия накладывающихся друг на друга вокс-

переговоров и расшифровок потока рунических данных на глазных линзах лишили ожидающее его зрелище загадочности, однако

величие момента все же оказалось

паразитическим.

Запахавшись, в покрытой рубцами броне, Севатар ворвался в пятнадцатый атриум — один из многочисленных магистральных узлов верхних командных палуб. Он шел по туннелям, которые были покрыты телами мертвых слуг, однако от масштабов творящейся бойни с его губ сорвался несчастный стешок. Цифровые изображения и сообщения о смерти не имели ничего общего с

реальностью. Атраментары и Повелители Ночи со «Свежевателя» стояли по колено в трупах, сражаясь среди сваленных в кучи тел

слуг, сервиторов, охранников, Темных Ангелов и собственных навших братьев. Они билась спиной к спине, сжимая круги и го

последнего отбивая волны подкреплений Темных Ангелов, которые прибывали из соседних туннелей.

Ему ни разу не доводилось видеть менее эффективного последнего боя на менее

пригодной к обороне позиции, чем эта,
однако

причина была вполне очевидной. Здесь
встретились примархи, и поэтому здесь
бывала битва. Двое сыновей Императора
вели

поединок над бьющимися толпами, над
грохотом болтеров и натужным скрипом
цепных клинков о кератит. Их
сражающиеся дети, которые кричали,
истекали кровью и утирали внизу,
казались тенью рядом с богатыми.

Впервые после Исствана V Севатар
увидел, как его генетический прародитель
встал, чтобы вернуть себе славу, которой
раньше

обладал в избытке. Никто и никогда не
смог бы назвать лорда Конрада Керза
царственным или же охарактеризовать
его как

привлекательного, величавого или хотя
бы полного жизни. Его величие было
изможденным и болезненным, а величие --
холодным и мертвым.

Серебристые серповидные когти, словно
носы, выступали из кончиков закованных в
броню пальцев. На каждом из них плясали
сверкающие молнии энергии. Керз
двигался не как воплощение плавного
изящества, а будто дергающаяся
марионетка,
управляемая незримым и злобытым
разумом, который заставлял мертвенно-
бледного бога плясать под гудку,
вызывающую

приступы ликования. Севатару доводилось
видеть, как несколько примархов
сражались, озлобленно проливая кровь, и их
чистая

смертоносность была прекрасна. Все они
плыли в танце войны -- даже Ангрон с его
неуправляемыми приступами
страгальческой
ярости.

Керз дрался иначе. Его движения были
более быстрыми и дергаными. Глаза не
успевали за рывками, перележаемыми
мгновениями тревожного спокойствия.

Каждый миг покоя глится ровно столько, чтобы убедить наблюдателя в реальности происходящего, а затем хохочущий убийца снова заходится в смертоносном припадке.

Это был отец Севатара, каким он выглядел в те годы, когда только принял мантию примарха - существо с костлявыми

конечностями, впалыми щеками и глазами, питаемое какой-то мрачной энергией, которая озаряла его взгляд, будто предвестник

темного пламени. На плечи ниспадали прямые черные волосы, изредка омываемые брызгами вражеской крови и ничем другим.

Улыбка представляла собой отвратительную демонстрацию заточенных зубов между тончайших белоснежных губ. Севатар видел, как Керз сражался с Кораксом на смертном поле бойни у места высадки, когда примарх Гвардии Ворона был вымотан многочасовым сражением и опустошен страшной правдой о предательстве.

Вигел, как его примарх дважды бился со Львом --

сначала в пыли крепостного фундамента на галекной Тсагуальсе, а потом считанные недели тому назад, когда весь бой погдождет

абсолютно бесполезного мира занял меньше шестидесяти секунд.

Здесь же его отец впервые участвовал в честном бою. Никаких бесчестных первых ударов. Никакого нападения на ослабленного

или деморализованного соперника. Никаких неожиданных атак с полным использованием эффекта внезапности.

Лев бился бесстрашно, жестко экономя силы и движения. Все выпады и парирования исполнялись безупречно, без драматичной

дерзости. Керз атаковал, словно его дергали за ниточки, молотя когтистыми рукатами. Каждый из возможных захватов на мгновение

блокировал глинный клинок, а в

следующий миг уже уходил мимо.

Севатар опомнился от звука, издаваемого метеорным молотом Рущаля, и оторвал взгляд от искрящихся божеств, бьющихся на

платформе наверху. Ворон, словно пропеллером, описывал своим кистенем опасный круг, вращая его вхолостую с гудением

ионизированного воздуха. На бойке, который оканчивалась цепь, шипела кровь. Энергетическое поле выжигало ее, превращая в

омерзительно пахнущий пар.

Ворон указал свободной рукой. Воины в такой же черной броне, как его собственная, продолжали выбегать из двадцати коридоров, ведущих в этом проходной узел со свисающими цепями и высокими мостиками.

Севатар перескочил через перила и прыгнул на другой уровень, врезавшись подошвами в свалку, где несколько его братьев-

терминаторов билась с превосходящими силами Темных Ангелов. Первый из противников рухнул, обезглавленный единственным

взмахом ценной глефы Первого капитана. Второй лишился руки, а затем большей части лица. Третий и четвертый упали, вынотрошенные одним ударом.

Опять. Это он стал быстрее других, или же они замедлились? Все враги, которые оказывались перед ним, выдавали себя едва заметными признаками. Он замечал напряжение сочленений их брони — предупреждение, откуда последует следующий удар.

Севатар блокировал их с легкостью солдата, предвигаящего все атаки, и бил раньше, чем они успевали ответить.

Нет, не опять. Это было хуже, чем раньше. Ули... лучше? Молочная кислота жгла мышцы, давление по ту сторону глаз грозило

разорвать череп изнутри, но с каждым ударом сердца реальность вокруг

замедлялась. Он принял цепной топор на
древко

алебарды, успел развернуться, стиснуть
зубы и вознать глефу в грудь
находившегося сзади облаченного в табард
паладина, а

затем повернуться обратно и поймать
следующий удар Темного Ангела. Проглав
это, он увидел крохотное смещение
центра

тяжести, точно указавшее направление
очередной атаки противника. Прежде чем
движение вообще успело начаться, Севатар
пронзил воина насквозь, стоя лицом к лицу
с утирающим, пока цепной клинок
прорубал себе дорогу через внутренности.

По краям ретинального дисплея появилась
чернота. Первому капитану потребовалось
несколько секунд, чтобы понять, что это
не

кровь внутри шлема, а реальное
потемнение в глазах. У него в черепе что-
то лопалось и рвалось, выпуская на волю
влажный поток

жидкости. Жизненные показатели, отображаемые поверх показаний глазной линзы, дергались точно так же, как бьющийся в неистовстве приларх.

Теперь он слышал, как братья выкрикивают его имя, гудая, что он ранен. Севатар не был уверен, что они ошибаются.

Предостережение Треза прожигало себе путь сквозь мысли. Слова как будто были выжжены на плоти, а не звучали в воспоминании.

Это может тебя убить, Яго.

У тебя есть силы. Но нет контроля.

Обратного пути не будет. Если ты выведешь гар, который так старался забыть... Некоторые двери нельзя закрыть.

Он пошатнулся и упал на одно колено, воспользовавшись этим, чтобы подрубить ногу ближайшему Темному Ангелу. Воин закричал

и утер мгновение спустя, когда глефа Севатара пробила ему нагрудник.

«Наверное, я умираю», - подумал Первый капитан и начал стаяться.

- Валзен! -- кричал кто-то. -- Валзен, Севатар упал! Апотекарий!

Он повернул голову и увидел, что над ним стоит Рущаль - страж в абсолютно черном облачении. Ворон взмахнул метеорным

молотом. Дуга завершилась вспышкой смертоносной энергии, расколовшей шлем очередного Темного Ангела.

Воин Первого Легиона упал беззвучно, поскольку теперь все вокруг погрузилось в тишину. Метеорный молот Рущалья больше не

гремел при каждом ударе. Сбивчивые жизненные показатели Севатара больше не издавали предвещающего визга. Мир перестал быть хаотичной бурей грохота, подожв, разрывов болтов и рвущихся сочленений доспехов. В каком-то смысле он стал

безмятежным.

Севатара вырвало в шлем, и он подавился

собственной желчью, будучи не в силах
перестать смеяться.

...

А затем он оказался дома.

Дома. В ночном городе. На крыше, куда
приходил прятаться.

Лишенный солнца мир все-таки не сгорел в
бесмысленной и бесполезной ярости
примарха. Он был дома, собирался дождь,
предшествующий настоящей буре.

Давление в голове было таким же, как и
всегда в детстве. Оно бурлило, грозя
перерасти в

припадок, который вызвал бы у него
судороги.

- Еда, еда, еда, - закричали они.

Он обернулся. Они клевали рокротовую
крышу, изогранные перья трепетали на
ветру.

- Мальчик, Мальчик, Мальчик, - галдели
они. - Еда, еда, еда. Сейчас, сейчас, сейчас.

Яго сунул руки в карманы и достал горсть
хлебных крошек.

- Вот, - сказал он воронам. - Еда на

сегодня.

- Мясо, мясо, мясо, - закричали те в ответ.

Несколько черных птиц уселись ему на плечи и на вытянутую руку, и он растеялся.

- Мясо, - согласился он. - Скоро мясо. Пока крошки.

- Мясо сейчас, мясо сейчас, - жалываясь, они хватали безвкусные и твердые, будто камень, крошки.

- Мясо сейчас, - сказал он, когда они закончили. - Ждите.

Он отсутствовал недолго, но вернулся взмокшим и с головокружением. Он ободрал и растянул себе руки, затаскивая по лестнице

тело другого мальчика.

- Мясо, мясо, мясо, - закаркали вороны.

Яго отпустил лодыжки мертвого мальчика и уселся, переводя дух.

- Мясо, - ответил он. - Оставьте мне что-нибудь, - сказал он птицам, когда те слетелись к трупу.

- Да, Мальчик, - шутели они. - Да, да, да.

Оставит Мальчику.

- Можете забирать глаза, - произнес он. -

Не люблю глаза.

Птицы хрипло засмеялись по-вороньи в ответ на эту гавнюю общую шутку. Они знали, что Мальчик никогда не ест глаза.

Как-то раз

он попробовал и после этого начал бредить. У Мальчика часами текла из носа и ушей сладкая человеческая кровь, и он проспал

всю ночь, подергиваясь на катнях.

Пока они ели, Яго сидел молча, слушая шелест темных крыльев и наслаждаясь прикосновением грязных перьев к щекам.

Ни один

другой звук не успокаивал его. Ни одно другое ощущение не снимало головные боли на достаточное время, чтобы он смог заснуть.

...

ЭПИЛОГ

Предатели

Они бросили его в камеру, забыв оружие и доспехи. Это было мудро.

Они заточили его вместе с девятью братьями. А вот это уже было не так мудро.

Севатар прислонился спиной к силовой стене, слушая звук неторопливого медленного дыхания братьев, который поглощался

полуживой пульсацией, проходящей по окружающему их энергетическому полю. «Неоспоримый довод» находился в варне.

Севатар

мог только гадать, куда они направлялись.

Он знал, что в ходе своей успешной и неосмотрительной атаки Керз привел со «Свежевателя» почти семьсот воинов.

Одним из

них был Вар Джахан. Возможно, брата из Рукокрылых держали в другой камере.

Севатар потешил себя этой идеей, но он был не из

тех, кто когда-либо полагается на слепую надежду.

Он не достался припарх. Это Первый капитан знал точно. Выжившие братья говорили о последнем подавляющем натиске Темных

Ангелов и о том, как лорд Керз, наконец, понял, что численный перевес сведет его сыновей в могилу раньше времени..

В этот момент он оторвался от Льва, вышел из боя... и сбежал.

Если Керз был еще жив, то все еще бродил по нижним палубам «Неоспоримого довода». Возможно, он собирался вернуться за своими сыновьями, но опять же -- Севатар не был склонен цепляться на талореальную надежду.

Ему было известно, что флот скрылся. План адмирала Юла сработал по крайней мере частично. Оставшиеся пятьдесят кораблей

прошли сквозь широкий строй Темных Ангелов со смертоносной эффективностью иголки, прокалывающей нарыв. Севатар

видел, как

по меньшей мере половина из них пробилась на другую сторону, а несколько прорвались в варн. Но больше он ничего не знал.

«Свежеватель», вероятно, был уничтожен. «Сулрак» - почти наверняка.

Стало быть, Трез мертв, как и Тайе. Первого было жаль, поскольку примарх нуждался в маленьком пожирателе снов. Вторую было

жаль по совершенно нерациональной причине, в которой Севатару было неудобно признаваться даже кому-то из братьев, не

говоря уж о самой девушке. Он испытывал такие же чувства еще к четверым мертвым, служившим Легиону, и заботливо

пристатривал за каждым из них по той же самой причине.

Можно было задуматься о давно мертвом семействе и их сходстве с людьми, которые жили сто лет спустя, но только

не в этой

камере. Кроме того, он не знал этого наверняка. Возможно, они были его родственниками -- потомками двоюродных братьев, которых он оставил, покидая Нострато -- но точно выяснить это было невозможно. Последние сто лет мир представлял собой

урбанистическое поле боя, и у его стародержавящих обитателей не осталось культуры и морали, не говоря уж об исторических

записях. Первый капитан не мог отделаться от ощущения связи с этими людьми, равно как и от того, насколько они напоминали

когда-то знакомую ему семью.

Севатар без особого труда отвлекся от печальных мыслей. Он не был меланхоликом, как не был и оптимистом.

Но крайней мере в плену у него было время планировать, размышлять и анализировать. Трамасский крестовый поход закончился.

Большая часть VJJJ Легиона спаслась, рассеявшись на солнечных ветрах. Основная масса Повелителей Ночи отправится к Терре, хотя Севатар и сомневался, что много кто задержится на передовой до осады Тронного мира. Он чувствовал, что в будущем

Легиону предстоит много грабежей и налетов. Мысль вызвала бы у него улыбку, будь он где угодно, но не в камере Темных Ангелов

и не заключенным в мерцающий энергетический куб.

Сначала они бросили его в более обычную тюрьму из прочного железа. Севатару потребовалось меньше пятнадцати минут, чтобы

проложить себе дорогу сквозь одну из стен при помощи собственной кислотной слюны.

Когда охрана пришла с проверкой, он просто указал на шипящее отверстие в стене, в которое почти что мог пролезть.

- Есть мнение, что это сделали крысы, - сказал он. - Крупные такие.

Темные Ангелы увели его из камеры и поместили в силовую клетку вместе с несколькими братьями. Каждый из них явно точно так

же уничтожил свою камеру.

Без успеха, скрывавшего аугметикку, Валзен выглядел жалко. В нем было больше хрома и гетолубриканта, чем плоти.

- Перестань на меня пялиться, - бросил он Севатару. Черный глаз прищурился, бионическая линза попыталась повернуться и

перенастроиться в неуверительной попытке подражания.

- Да я просто думал, - отозвался Первый капитан, - что ты свидетельство отказа Легиона подчиняться кому и чему бы то ни было.

Ты оказался слишком упрямым даже для того, чтобы погибнуть на Усстване.

Некоторые усмехнулись. Даже Валзен криво ухмыльнулся. Его улыбка была перекошенной не из-за сарказма, а потому

что

половина лица, на которую пришелся удар, представляла собой бесстрастный лик.

- Почему ты приказал нам принять участие в атаке? - спросил Тал Ванек. -- Атраментары пережили Усстван только для того, чтобы

полечь до последней дюжины в этом самоубийственном безумии?

Севатар поднял телную бровь.

- Неужто сейчас время для телких взаимных упреков?

В ответ Тал Ванек ухмыльнулся, продемонстрировав все зубы и широко раскрыв черные глаза.

- Сев, да лучше времени просто не бывает.

- Приказ об этой атаке был отдан примархом.

Несколько воинов что-то пробормотали в ответ.

- Примарх - глупец и безумец, - произнес Тал Ванек. -- Те, кто об этом не знали раньше, теперь это поняли.

Это заявление вызвало общее согласное

перешептывание. У Севатара не было настроения и терпения для философских споров.

- Поглядит, - только и сказал он.

Единственным, кто все это время хранил молчание, был Рүшаль. Белую кожу Ворона, неприкрытую угольно-черной броней, крест-

накрест пересекали воспаленные рубцы -- следы мучительной пытки, а не честного боя. Воин наблюдал за Севатаром с другого

края клетки, сидя спиной к силовому экрану, как и Первый капитан.

Севатар кивнул Ворону.

- До меня только дошло, что я ошибся, - сказал он. -- Я пообещал самому себе, что не проиграю Ангелам дважды.

Покрытые шрамами, потрескавшиеся губы Рүшалья скривились в отвратительной улыбке, оставшейся после ножей Севатара.

- Сев, - произнес один из его воинов. -- У тебя из носа кровь идет.

Он поднял руку и ощутил пальцами

горячий ручеек.

- Ага.

- С тобой все в порядке?

«Нет. Секрет, который я хранил сто лет, только что вырвался наружу. А все потому, что я не удержался от увеселительной

прогулки внутрь души нашего отца».

- Все хорошо, - ответил он. - Лучше не бывает.

- Ухо тоже кровоточит.

- Я от этого не умру. Думаю, скоро настанет время уходить, - добавил он.

- И как ты планируешь это сделать? - поинтересовался Валзен.

Севатар секунду глядел на него, не в состоянии понять, насколько серьезно задан вопрос. Валзен выглядел невозмутимым, но

капитан не мог точно назвать, результат ли это реконструкции лица или же какая-то лишняя эмоций шутка, смысл которой

ускользал от Севатара.

- Это действительно вопрос? -- наконец спросил он.

- Ну, разумеется. Как мы отсюда выберемся?

- Так же, как всегда, братец. Убьем всех, кто попытается нас остановить.

КОНЕЦ

...